

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

**МИР
НА ЗЕМЛЕ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Станислав Герман Лем

Мир на Земле

Серия «Ийон Тихий»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169468

Мир на Земле: АСТ Москва, АСТ, Хранитель;

ISBN 978-5-17-148387-6

Аннотация

Луна, превращенная в сеть испытательных полигонов для эволюционирующих боевых машин, внушает землянам тревогу. Правда ли, что полигоны объединились, и спутник Земли превратился в гигантский суперкомпьютер, замышляющий недоброе? Правительства разных стран обеспокоены тем, что в любой момент может начаться вторжение на родительскую планету. Ийон Тихий отправляется на разведку...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

I. Раздвоение[1]	5
II. Посвящение	51
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Станислав Лем

Мир на Земле

© Stanislaw Lem, 1985

© Перевод. Е. Вайсброт, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

I. Раздвоение¹

Не знаю, что и делать. Сказать «плохи мои дела» – скверно, сказать «плохи наши дела» – не лучше, потому что о себе я могу говорить лишь частично, хоть по-прежнему остаюсь Ийоном Тихим. У меня давно уже вошло в привычку разговаривать с самим собой во время бритья, а теперь пришлось от этого отказаться, потому что левый глаз все время подмигивает и сильно мешает. Пока я сидел в ЛЭМе, то не отдавал себе отчета в том, что произошло перед самым стартом. Мой ЛЭМ не имел ничего общего с американским модулем, в котором НАСА выслало Армстронга и Олдрина за полудюжиной лунных камней. Его назвали так, чтобы закамуфлировать мою секретную миссию, черт бы ее побрал. Возвратившись из созвездия Тельца, я по меньшей мере год не намерен был никуда летать. Согласился исключительно ради блага человечества. Понимал, что могу не вернуться. Доктор Лопец высчитал, что у меня один шанс на двадцать и восемь десятых. Это меня не остановило. Я человек рисковый. Двум смертям не бывать! «Вернусь или не вернусь», – сказал я себе. Мне и в голову не приходило, что вернуться могу не я, а мы. Чтобы это объяснить, придется приподнять завесу особой секретности, но мне все едино. То есть мне – частично.

¹ Pokoj na ziemi, 1987© Евгений Вайсброт, перевод, 1988

Ведь и писать я вынужден тоже частично, с огромным трудом. Выстукиваю на машинке правой рукой. Левую приходится привязывать к подлокотнику, потому что она против. Вырывает бумагу из машинки, никакие уговоры не действуют, а пока я ее привязывал, подбила мне глаз. Результат раздвоения. У каждого человека два полушария головного мозга, соединенные большой белой спайкой. По-латыни – *corpus callosum*. Двести миллионов белых нервных волокон соединяют половинки мозга, чтобы не разбежались мысли. Соединяют, но только не у меня. Бах – и конец. И даже никакого «бах» не было, а просто полигон, на котором лунные роботы испытывали новое оружие. Попал я туда совершенно случайно. Уже выполнил задание, обвел вокруг пальца тамошние бездушные творения, возвращался в ЛЭМ, и тут у меня возникла малая нужда. На Луне уборных нет. Да в пустоте они ни к чему. Носишь с собой в скафандре емкость, такую, как у Армстронга с Олдрином. Так что оправиться можно в любой момент и в любом месте, но я стеснялся. Слишком я культурный, вернее – был слишком культурным. Так вот просто, при ярком Солнце, посреди Моря Ясности было как-то неловко. Неподалеку лежал большой одинокий валун, я и отправился туда, в тень. Откуда мне было знать, что там уже действует их ультразвуковое поле. Стою я и вдруг чувствую: в голове что-то тихонечко щелкнуло. Будто стрельнуло, но не в шею – так иногда бывает, – а чуточку выше. Внутри черепа. Это, собственно, и была дистанционная ин-

тегральная каллотомия. Совсем не больно. Почувствовал я себя, правда, странновато, но все тут же прошло, и я направился к ЛЭМу. Ну, ощущение такое, словно все немножко изменилось, и я сам тоже, но я решил, что это от перевозбуждения, вполне понятного после стольких происшествий. Как известно, правой рукой заведует левое полушарие мозга. Поэтому я и говорю, что пишу лишь частично я. Видимо, правое полушарие имеет что-то против, коли мешает. Все страшно перепуталось. Не могу сказать, что я – только мое левое полушарие. Приходится идти с правым на компромиссы, не сидеть же вечно с привязанной рукой. Уж я с ним, с правым, и так и этак. Впустую. Оно прямо-таки невыносимо. Агрессивно, вульгарно и нахально. Счастье еще, что не может читать все подряд. Понимает только некоторые части речи, в основном имена существительные. Обычное явление, знаю, начитался соответствующих книжек. Глаголов и прилагательных как следует не разбирает, ну а раз уж оно смотрит на то, что я тут выстукиваю, приходится выражаться так, чтобы его не раздражать. Удастся ли – не знаю. Впрочем, вообще никто не знает, почему все хорошее воспитание размещается в левом полушарии.

На Луне мне предстояло высадиться тоже частично, но совсем в другом смысле, потому что это было еще до несчастного случая, то есть до того, как меня раздвоило. Я должен был обращаться вокруг Луны по стационарной орбите, а на разведку отправить своего дистантника. Похожего

на меня, только пластикового, с датчиками. Так что я сидел в ЛЭМе-1, а опустился ЛЭМ-2 с дистантником. Лунные военные роботы страшно настроены против людей. В каждом готовы видеть врага. Во всяком случае, так мне было сказано. К сожалению, ЛЭМ-2 вышел из строя, и я решил опуститься сам, чтобы посмотреть, что с ним приключилось, так как связь была почти прервана. Сидя в ЛЭМе-1 и уже не чувствуя ЛЭМа-2, я, однако, ощущал боль в животе, который, собственно, болел-то у меня не непосредственно, а по радио, потому что, как выяснилось после посадки, они взломали у ЛЭМа крышку, вытащили дистантника и принялись его потрошить. На орбите я не мог отключить нужный кабель. Конечно, в этом случае живот болеть перестал бы, но, совсем потеряв связь с дистантником, я не знал бы, где его искать: Море Ясности, на котором он попал в ловушку, не уступает размером Сахаре. Кроме того, кабелей было великое множество, все они переперутались, инструкция по аварийному обслуживанию куда-то запропастилась, а искать ее с болями в животе было так несподручно, что я решил не вызывать Землю, а спуститься на Луну лично, хотя меня предупреждали, чтобы я ни в коем случае этого не делал, ибо потом мне уже не выкарабкаться. Однако не в моей натуре отступать. Кроме того, хотя ЛЭМ – всего лишь машина, напичканная электроникой, мне не хотелось оставлять его на растерзание роботам.

Похоже, чем больше я объясняю, тем туманнее все ста-

новится. Наверное, надо начать с самого начала. Правда, я не знаю, каким было это начало, потому что запомнить его должно было правое полушарие моего мозга, а для меня вход в него закрыт, вот я и не могу собраться с мыслями. Такой вывод я делаю оттого, что не помню множества вещей, и, чтобы хоть что-то о них узнать, мне приходится правой рукой подавать левой знаки, какими пользуются глухонемые, но она не всегда изволит отвечать. Например, показывает кукиш, и это еще не самое грубое выражение ее иного мнения.

Конечно, я не обходился одной только жестикуляцией, испытывая свою левую руку, но, сознаюсь, поддал ей разок-другой, чтобы заставить слушаться. Чего уж тут скрывать. Возможно, в конце концов я всыпал бы собственной передней конечности и как следует, но беда в том, что только правая рука сильнее левой. Ноги в этом смысле одинаковы, и, что еще хуже, на мизинце правой у меня застарелая мозоль, и левая об этом знает. Когда в автобусе однажды произошел скандал и я силой запихал левую руку в карман, ее нога в отместку так наступила мне на мозоль, что я узрел небо в алмазах. Не знаю, возможно, это эффект снижения интеллекта, вызванный моей половинчатостью, но, похоже, я пишу какие-то глупости. Нога левой руки – это же просто левая нога; бывают минуты, когда мое несчастное тело распадается на два враждующих лагеря.

Мне пришлось прервать работу, потому что я пытался пнуть себя. То есть левой ногой правую, то есть не себя я хо-

тел пнуть и не я, или, точнее, не совсем я... Нет, грамматика просто не приспособлена к таким ситуациям. Я уже почти взялся стаскивать туфли, но остановился. Даже в такой беде не следует делать из себя шута. Неужели человеку нужно переломать себе ноги, чтобы узнать, как было дело с той инструкцией и кабелями? Правда, как-то мне довелось драться с самим собой, но при других обстоятельствах. Однажды – более раннему с более поздним, а в другой раз – после отравления бенигнаторами. Верно, дрался, было дело, но при этом оставался полностью собой, и каждый, кто захочет, может поставить себя в мое положение. Разве люди Средневековья не истязали свое тело ради покаяния? Однако того, что я чувствую сейчас, не может понять никто. Это невозможно. Я даже не могу сказать, что меня двое, потому что, здраво рассуждая, и это неправда. Меня двое, или частичный я – тоже частично, не в любой ситуации. Если хотите узнать, что со мной случилось, то должны набраться терпения и, не возражая, читать по порядку все, что я пишу, даже не понимая. Кое-что со временем прояснится. Не до конца, конечно; понять до конца можно, только испытав каллотомию на собственной шкуре, точно так же, как невозможно, например, объяснить, что значит быть, скажем, выдрой или черепахой. Если кто-нибудь, не важно как, станет вдруг черепахой или той же выдрой, он все равно ничего об этом сообщить не сможет, потому что животные не разговаривают и не едят. Обычные люди, к которым я причислял себя значительную

часть жизни, не понимают, как это возможно, чтобы некто с раздвоенным мозгом продолжал вроде бы и дальше быть самим собой, а похоже, так оно и есть, коль скоро он говорит о себе «Я», а не «МЫ», ходит совершенно нормально, говорит разумно, когда ест, тоже нипочем не узнаешь, что правое полушарие не ведает, что творит левое (в моем случае – за исключением крупяного супа), и, наконец, находятся такие, которые утверждают, будто каллотомию знали уже при создании Священного Писания, ибо в нем сказано, что левая рука не должна ведать, что творит правая. Впрочем, я считаю это религиозным иносказанием.

Один тип ходил за мной два месяца, чтобы вытянуть из меня тайну. Он являлся в самые неподходящие моменты и все выпытывал, сколько же меня в действительности. Специальные учебники, которые я советовал ему прочесть, ничего ему не дали, как, впрочем, и мне. Я одалживал книги, чтобы он отстал. А дело было так: пошел я купить себе туфли без шнурков, этикие с резинкой наверху (их когда-то, кажется, называли штиблетами), а то, когда моей левой половине не хотелось идти гулять, я никак не мог зашнуровать ботинки. То, что завязывала правая рука, левая немедленно развязывала. Вот я и решил купить штиблеты, а заодно – пару кроссовок, не потому, что мне хотелось заниматься модным бегом трусцой, а чтобы проучить правое полушарие, так как в то время я еще никак не мог договориться с ним и ходил злой и в синяках. Решив, что продавец в магазине тоже человек,

я что-то там брякнул, чтобы оправдать свое странное поведение, собственно, даже не мое. Просто, когда он опустил-ся передо мной с рожком в руке, я схватил его левой рукой за нос. То есть *она* его схватила, а я пробовал оправдаться, точнее, свалить все на нее. Я думал, что если он даже примет меня за сумасшедшего (откуда продавцу обувного магазина знать о каллотомии?), то все равно туфли-то продаст. Сумасшедшему тоже не пристало ходить босиком. Увы, продавец оказался подрабатывающим студентом-философом, и его здорово проняло.

– Но ведь, мистер Тихий, – кричал он у меня в квартире, – здравый смысл и логика говорят, что вас либо один, либо больше! Если ваша правая рука натягивает брюки, а левая ей не дает, значит, за каждой из них стоит определенная половина мозга, которая что-то думает, во всяком случае, должна, коли у нее нет желания делать то, что желает другая половина. Если б было не так, то между собой дрались бы и поотрезанные руки и ноги, чего они, как известно, не делают.

Тогда я дал ему Гаццаниги. Самую лучшую монографию по разъединенному мозгу и последствиям такой операции: профессор Гаццаниги – «Бисекция мозга», выпущенная еще в 1970 году «Эпплтон сентури крофтс», просветительное отделение «Мередит корпорейшн». И пусть у меня мозг снова срастется, если я лгу, упомянув Микеля Гаццаниги вместе с его папашей по имени Данте Ахилл Гаццаниги, которому он посвятил свою монографию и который тоже был доктором

медицины. Кто не верит, пусть немедленно бежит в ближайший книжный магазин с медицинскими изданиями, а меня оставит в покое.

Этот тип, преследовавший меня, чтобы выжать признания, как так можно жить в раздвоении, ничего от меня не добился, кроме того, что довел мои полушария до такого состояния, что я схватил его обеими руками за шиворот и выкинул за дверь. Такие минуты гармонии моего разрегулированного естества случались не раз, но отчего и почему, я так и не знаю.

Юный философ звонил мне потом среди ночи, считая, что спросонок я выдам ему свой невероятный секрет. Просил меня прикладывать трубку то к правому, то к левому уху, не обращая внимания на сочные эпитеты, которыми я его награждал.

Он упорно утверждал, что идиотские не его вопросы, а то состояние, в котором нахожусь я, поскольку оно противоречит всей антропологической, экзистенциалистской и еще какой-то там философии человека как существа разумного и сознающего свой разум. Видно, он недавно сдал экзамен, этот студент-философ, потому что так и сыпал Гегелями, Декартами (ведь «Мыслю – значит существую», а не «Мыслим – значит существуем!»), атаковал меня Гуссерлем и добавлял Хайдеггера, стараясь доказать, будто того, что со мной происходит, быть не может, поскольку это противоречит всем толкованиям духовной жизни, которыми мы обяза-

ны не каким-то там хлыстам, а наигениальнейшим мыслителям человечества, занимавшимся интроспективным изучением личности добрые тысячи лет, начиная еще с древних греков. А тут является тип с перерезанной большой спайкой мозга и вроде бы здоровый, как рыба, ан, глядь, его правая рука не знает, что творит левая, ноги тоже, и при этом одни эксперты утверждают, что сознание у него размещается только в левом полушарии, потому что правое – всего лишь бездушный автомат, другие же – что у него их два, но правое – немое, так как центр Брока размещается в левой височной доле, а третьи толкуют, будто у него две частично разъединенные личности, и дальше уже ехать некуда. «Если нельзя частично выскочить из поезда, – кричал он, – или частично умереть, то нельзя и частично мыслить!» После я уже не выкидывал его из дома, жалко было парня. С отчаяния он пытался меня подкупить. Называл это дружеским подарком. Восемьсот сорок долларов, клялся он, – все, что ему удалось накопить на каникулы с девушкой, но он готов отказаться и от денег, и от девушки, лишь бы я откровенно сказал, КТО мыслит, когда мыслит мое правое полушарие, а Я не знаю, О ЧЕМ оно мыслит; когда же я отсылал его к профессору Экклесу (тот, будучи поборником теории левостороннего сознания, считает, что правое полушарие вообще не мыслит), он весьма нелестно выражался о профессоре. Он уже знал, что я немного научил правое полушарие языку глухонемых, поэтому хотел, чтобы к Экклесу пошел я сам и

разъяснил, что тот ошибается. Вместо того чтобы вечерами ходить на лекции, он зачитывался медицинскими журналами, уже знал, что нервные пути перекрещиваются, и искал в толстенных учебниках ответ, на кой ляд нужно перекрещивание, почему правый мозг заведует левой половиной тела, а левый – наоборот, но, конечно, не нашел об этом ни слова. «То ли такое строение помогает нам быть человеком, – резонерствовал он, – то ли мешает». Студент штудировал психоаналитиков и отыскал такого, который считал, что в левом полушарии сидит сознание, а в правом – подсознание, но мне удалось выбить у него это из головы. По понятным причинам я был более начитан, чем он. Не желая больше биться ни с самим собой, ни с субъектом, пылающим жадой познания, я выехал, вернее, сбежал от него в Нью-Йорк и попал из огня в полымя.

Я снял однокомнатную квартирку без кухни на Манхэттене и ездил метро или автобусом в публичную библиотеку, где читал Йозатица, Вернера, Тюкера, Вудса, Шапиро, Риклана, Швартца, Шварца, Швартса, Сан-Маи-Галасша, Росси, Лишмана, Кеньона, Гарвея, Фишера, Когена, Брамбека и что-то около тридцати разных Раппапортов и Рапопортов, и почти всякий раз по дороге происходили дикие сцены, потому что я щипал за ягодицы самых интересных женщин, особенно блондинок. Конечно, делала это моя левая рука, к тому же не всегда даже в толчее, но попытайтесь объяснить что-нибудь подобное в двух словах! Не то было самым

скверным, что несколько раз я получил по физиономии, а то, что большинство вовсе не обижались, принимая такие штучки за прелюдию к небольшому роману, а романы были последним, что в то время было у меня на уме. Насколько я мог понять, пощечины мне давали активистки из Women's liberation², правда, не часто, потому что симпатичных среди них раз-два и обчелся.

Понимая, что самому мне не выпутаться из кошмарного положения, я в конце концов связался с ведущими авторитетами. Верно, ученые занялись мной. Меня исследовали, просвечивали, стахископировали, действовали на меня током, обматывали четырьмястами электродами, привязывали к специальному креслу, заставляли часами рассматривать через щелевой визир яблоки, собак, вилки, гребешки, стариков, стулья, мышей, грибы, сигары, стаканы, обнаженных женщин, новорожденных и несколько тысяч других вещей и предметов, появлявшихся на экране, после чего сообщили то, что я уже и без них прекрасно знал, а именно: что когда мне показывают бильярдный шар так, чтобы его видело только мое левое полушарие, то правая рука, погруженная в мешок с разными предметами, не умеет вытянуть оттуда такой же шар, и наоборот, и все потому, что левая сторона не ведаёт, что творит правая. Меня признали случаем банальным и перестали мной особо интересоваться, поскольку я и не пикнул о том, что обучаю свою немую половину языку

² Свободные женщины (англ.).

глухонемых. Ведь я хотел узнать от них что-нибудь о себе, а не заниматься повышением их квалификации.

Потом я пошел к профессору Туртeltaубу, который был на ножах со всеми остальными, но вместо того, чтобы про-светить меня относительно моего состояния, он принялся втолковывать, какая все они клика и банда. Вначале я внимательно слушал, полагая, что он кроет их по теоретико-познавательным причинам, однако Туртeltaуб, оказывается, имел в виду только то, что они провалили его проект. Когда я последний раз был у Глобуса и Саводника, а может, у ко-го-то из других специалистов – они у меня немного попере-мешались, столько их было, – то, узнав, что я хожу к Туртeltaубу, они вначале немного обиделись, а потом сообщили, что исключили его из своего ученого круга по этическим со-ображениям. Туртeltaуб настаивал, чтобы убийцам, осуж-денным на смерть или пожизненное заключение, предлага-ли вместо электрического стула или тюремной камеры кал-лотомиию. Он уверял, что коль скоро каллотомиии подверга-ют исключительно эпилептиков по медицинским показани-ям, то неизвестно, будут ли результаты иссечения спайки у обычных людей такими же, и при этом утверждал, что лю-бой осужденный из тех, кто прикончил свою тещу, наверня-ка предпочтет, чтобы ему лучше уж иссекли corpus callosum. Однако бывший судья Верховного суда пенсионер Клёссен-фэнгер сказал, что, даже отбросив этическую сторону вопро-са, лучше этого не делать. Ведь если выяснится, что за те-

щу с холодным расчетом принималось только левое полушарие Туртeltaуба, а правое ничего не знало или даже протестовало, но подчинилось доминирующему полушарию и после внутренней душевно-мозговой схватки убийство все же свершилось, то возник бы кошмарный прецедент: надлежало бы засадить за решетку одно полушарие, а другое, признанное невиновным, – освободить. В результате убийца был бы осужден на смерть только на пятьдесят процентов.

Не добившись ничего, Туртeltaуб оперировал обезьян, очень дорогих в противоположность убийцам, а дотации ему все уменьшали, и он пребывал в отчаянии, предвидя, что кончит крысами и морскими свинками, хотя это далеко не то же самое. Одновременно члены Общества охраны животных и Союза борьбы с вивисекцией регулярно выбивали ему стекла в окнах и даже подожгли автомобиль. Страховое агентство отказалось платить, утверждая, будто нет доказательств того, что он не сам подпалил собственную машину, намереваясь убить сразу двух зайцев: начать судебное преследование покровительниц животных и получить материальную выгоду, ибо автомобиль был старым. Он так надоел мне, что, желая кончить разговор, я неосмотрительно упомянул об уроках, которые давал левой руке правой. Он тут же позвонил Глобусу, а может, Максвеллу, чтобы анонсировать в неврологическом обществе показ случая, с помощью которого он разнесет в пух и прах всех до единого. Видя, куда идет дело, я, не попрощавшись, выбежал от Туртeltaуба.

ба и поехал прямо в гостиницу, но те двое уже ожидали меня в холле. Увидев их распаленные физиономии и горящие нездоровым любопытством глаза, я сказал, что сейчас поеду с ними в клинику, только переоденусь в номере, а пока они ожидали меня внизу, сбежал по пожарной лестнице с одиннадцатого этажа и первым же попавшимся такси помчался в аэропорт. Мне было безразлично, куда лететь, лишь бы подальше от здешних ученых мужей. Ближайший рейс был в Сан-Диего, я отправился туда и из небольшого задрипанного отеля, истинной малины для разных темных типов, даже не распаковав чемодан, позвонил Тарантоге с просьбой о помощи.

К счастью, Тарантога был дома. Истинные друзья познаются в беде. Он прилетел ко мне ночью и, когда я по возможности кратко и обстоятельно все рассказал ему, решил заняться мной не из научных соображений, а по доброте душевной. По его совету я сменил отель и начал отпускать бороду, ему же предстояло поискать такого знатока предмета, для которого клятва Эскулапа превыше любопытного случая, приносящего известность. На третий день между нами возникло недоразумение: Тарантога пришел, чтобы порадовать меня добрым известием, а я отблагодарил его лишь частично. Его нервировала моя левосторонняя мимика, точнее, то, что я все время строил ему глазки. Правда, я толковывал ему, что это не я, а лишь правое полушарие моего мозга, над которым я не властен, однако он, сначала немного

успокоившись, вскоре заметил, что-де не все в порядке. Даже если в моем едином теле меня двое, то по тем насмешливым и саркастическим минам, которые я наполовину строю, видно как на ладони, что я еще прежде, по крайней мере частично, испытывал к нему определенную неприязнь, проявляющуюся теперь как черная неблагодарность, он же считал, что либо он мне настоящий друг, либо никакой! Пятидесятипроцентная дружба не в его вкусе. Однако в конце концов мне удалось его успокоить, а когда он ушел, я купил себе повязку на глаз.

Специалиста он отыскал для меня в Австралии, и мы вместе полетели в Мельбурн. Специалистом оказался профессор Джошуа Макинтайр, читавший там нейрофизиологию, а его отец был сердечным другом отца Тарантоги и вроде бы даже каким-то дальним родственником. Макинтайр вызывал доверие уже самим своим видом. Высокий, с седым ежиком волос, чрезвычайно спокойный, деловитый, и, как меня уверял Тарантога, человеколюбивый. Не могло быть и речи, что он способен использовать меня в корыстных целях или сговориться с американцами, которые уже лезли из шкуры вон, пытаясь напасть на мой след. На исследование ушло три часа, после чего он поставил на письменный стол бутылку виски, налил себе и мне и, когда воцарилась дружеская атмосфера, закинул ногу на ногу и, собравшись с мыслями, сказал:

– Мистер Тихий, я буду обращаться к вам во втором ли-

це единственного числа, чтобы избежать двусмыслия. Нет сомнений, у тебя иссечена большая мозговая спайка от *comissura anterior* до *posterior*, хотя на черепе отсутствуют следы трепанации...

– Я же говорил, профессор, – прервал я его, – что меня подвергли воздействию нового оружия. Это оружие будущего, чтобы никого не убивать, а всей нападающей армии сделать тотальную, дистанционную церебротомию. При этом мозжечок изолируется, и каждый солдат, словно парализованный, моментально грохнется на землю. Так мне сказали в той организации, назвать которую я не имею права. Однако случайно я стоял почти боком к ультразвуковому полю, или, как говорят врачи, сагиттально. Впрочем, не совсем уверен, знаете ли, потому что тамошние роботы орудуют скрытно и действие ультразвука...

– Не будем об этом, – сказал профессор, глядя на меня добрыми, мудрыми глазами из-за очков в золотой оправе. – Внемедицинские обстоятельства не должны нас сейчас отвлекать. Что касается количества сознаний у каллотомированного человека, то на сей счет в настоящее время имеется восемнадцать теорий. Поскольку каждая опирается на определенные эксперименты, то ясно, что ни одна не может быть ни полностью ложной, ни целиком истинной. Тебя не один, не два, да и о дробных частях тоже не может быть речи.

– Так сколько же меня в конце концов? – удивленно спросил я.

– Не жди хорошего ответа на неудачно поставленный вопрос. Представь себе двух близнецов, которые с рождения только и знают, что пилят двуручной пилой дерево. Они работают согласованно, потому что иначе не могли бы пилить, а если отобрать у них пилу, они превратятся в тебя в твоём теперешнем состоянии.

– Но ведь каждый из них независимо от того, пилит он или нет, обладает одним-единственным сознанием, – разочарованно заметил я. – Профессор, ваши американские коллеги уже попотчевали меня уймой таких прибауток, в том числе и о близнецах с пилой.

– Ясно, – сказал Макинтайр и подмигнул мне левым глазом, так что я подумал, уж не перерезали ли и ему что-то там. – Мои американские коллеги ни бельмеса не смыслят, а таким сравнениям грош цена. Я умышленно привел пример с близнецами, придуманный одним из американцев, потому что он ничего не дает. Если работу мозга представить графически, она выглядела бы, как большая буква «Y». У тебя по-прежнему единая стволовая часть мозга. Это основание игрека. Полушария же разделены наподобие ветвей. Понимаешь? Интуитивно это можно легко... – профессор ойкнул, потому что я пнул его в коленную чашечку, и замолчал.

– Это не я, это моя левая нога, простите! – воскликнул я поспешно. – Поверьте, я не хотел...

Макинтайр понимающе улыбнулся, но в его улыбке чувствовалась некоторая искусственность, как у психиатра, де-

лающего вид, будто сумасшедший, который только что его укусил, вполне нормальный, симпатичный субъект. Он встал и отодвинулся вместе со стулом на безопасное расстояние.

– Правое полушарие, как правило, агрессивнее левого. Бесспорный факт, – сказал он, осторожно прикасаясь к колену. – Однако ты мог бы заплести ногу за ногу, да и руку за руку тоже. Так нам было бы удобнее беседовать...

– Я попробовал, но они быстро немеют. Между прочим, с вашего позволения, этот ваш игрек ни о чем мне не говорит. Где в нем начинается сознание – под раздвоением, в нем самом, выше или как?

– Точно указать невозможно, – сказал профессор, подпрыгивая ногой и заботливо поглаживая коленку. – Мозг, дорогой Тихий, состоит из множества действующих подсистем, которые у нормального, прости за определение, человека могут соединяться самым разным образом для выполнения различнейших задач. У тебя высшие комплексы постоянно разделены и тем самым не могут сообщаться между собой.

– И о подсистемах я тоже, простите, слышал уже раз сто. Не хочу показаться невежливым, профессор, во всяком случае, могу вас заверить, что полушарие, с которым вы сейчас беседуете, не желает показаться таковым, но я-то по-прежнему ничего не понимаю. Ведь двигаюсь я совершенно нормально, ем, хожу, читаю, сплю, но при этом мне постоянно приходится следить за левой рукой и ногой, потому что они без всякого предупреждения начинают вести себя скандаль-

но. Я хочу знать, ЧЬИ это штучки. Если моего мозга, то почему Я ничего не знаю?

– Потому что полушарие, ответственное за это, немо, мистер Тихий. Центр речи находится в левом полушарии, в пла...

На полу между нами валялись провода от различных аппаратов, с помощью которых Макинтайр меня исследовал. Я заметил, что левая нога начинает как бы играть ими. Один, толстый, в черной блестящей изоляции, она обмотала вокруг своей щиколотки, но я не придавал этому особого значения, потом мигом резко рванула его назад, а провод, как оказалось, был обернут вокруг ножки профессорского стула. Стул встал на дыбы, а профессор рухнул на линолеум. Однако, как тут же выяснилось, Макинтайр был не только опытным медиком, но и умеющим держать себя в руках ученым, потому что, поднимаясь с пола, он сказал почти спокойно:

– Ничего, ничего. Не расстраивайся. Правое полушарие заведует стереогнозией, поэтому при таких действиях оказывается проворнее. И все же еще раз прошу тебя, дорогой Тихий, сядь подальше от стола, проводов и вообще от всего. Это облегчит нам беседу и выбор соответствующей терапии.

– Но я хочу знать только одно: где находится мое сознание, – ответил я, с трудом сматывая с ноги провод, который она крепко прижала к линолеуму. – Ведь получается, что стул из-под вас вырвал я, а меж тем у меня такого намерения не было. Так КТО же это сделал?

– Твоя левая нижняя конечность, управляемая твоим правым полушарием, – профессор поправил съехавшие на носочки, отодвинул стул еще дальше, немного подумал, но не сел, а встал за ним, положив руки на спинку. Не знаю, которым полушарием, но мне подумалось, что, может, он уже собрался пойти в контрнаступление.

– Так мы можем болтать до второго пришествия, – сказал я, чувствуя, как напрягается левая половина тела. Пришлось все-таки скрестить ноги и руки. Макинтайр, внимательно наблюдавший за мной, продолжал милым голосом:

– Левое полушарие доминирует благодаря расположенным в нем центрам речи. Стало быть, разговаривая с тобой, я разговариваю с ним, правое же полушарие может только прислушиваться. Его знание речи сильно ограничено.

– Может, у других, но не у меня, – возразил я, для пущей уверенности ухватив правой рукой запястье левой. – Оно действительно немое, но, знаете, я научил его языку глухонемых. Это мне стоило здоровья.

– Быть не может!

В глазах профессора появился блеск, который я замечал у его американских собратьев, и я пожалел о своей откровенности, однако это было запоздалым рефлексом.

– Но оно не владеет глаголами! Это установлено...

– Не беда. Глаголы не обязательны. Пожалуйста, спроси его, то есть себя, в общем, я хочу сказать, его, что оно думает о нашем разговоре. Сможешь?

Волей-неволей пришлось взять правой рукой левую. Сначала я немного погладил ее для успокоения, зная, что начинать лучше всего именно так, потом стал пальцами делать нужные знаки, касаясь левой ладони. Немного погодя пальцы левой руки зашевелились. Я глядел на них некоторое время, потом, стараясь скрыть злость, положил левую руку на колено, хотя она упиралась. Разумеется, она тут же довольно чувствительно ущипнула меня. Можно было этого ожидать, но мне не хотелось на глазах у профессора устраивать спектакль, борясь с самим собой.

– Ну-ну, что же она сказала? – спросил профессор, неосторожно выглянув из-за стула.

– Ничего существенного.

– Но я отчетливо видел, как она делала какие-то знаки. Или они не были координированными?

– Почему же. Были прекрасно координированными. Только это все глупости.

– И все же? В науке не бывает глупостей.

– Она сказала: «Ты – задница!»

Профессор даже не улыбнулся, так был увлечен.

– Серьезно? А теперь спроси обо мне.

– Как хотите.

Я снова взялся за левую руку, показал пальцем на профессора, и на этот раз мне не пришлось ее даже специально гладить, потому что она моментально ответила:

– «Тоже задница».

– Так она и сказала?

– Так. Она действительно не справляется с глаголами, однако понять ее можно. Но я по-прежнему не знаю, КТО говорит. Пусть жестами, но ведь это все равно. С вами я разговариваю губами, а с ней вынужден пальцами, так как же все следует понимать? В моей голове помещаются Я и какой-то ОН? Если ОН, то почему Я о нем ничего не знаю и вообще не чувствую его и не осознаю его ощущений, эмоций, ничего, хотя ОН находится в МОЕЙ голове и является частью МОЕГО мозга? Ведь он же не снаружи. Если б у меня было какое-то раздвоение сознания, если б у меня все поперемешалось, я еще мог бы понять, но этого же нет. Откуда он взялся, этот ОН? Это тоже Ийон Тихий? А если даже да, то почему, профессор, я вынужден обращаться к нему окольным путем, с помощью руки, и таким же путем получать ответ? Он, или оно, если это полушарие моего мозга, и не такие штучки вытворяет. Ну пусть бы он был, или оно было, неполноценным. А то ведь не раз уже впутывал меня в скандальные истории. – Не видя смысла дальше что-либо скрывать, я поведал Макинтайру о случаях в автобусах и метро. Профессор весьма заинтересовался.

– Исключительно блондинки?

– Да. Впрочем, могут быть и крашенные.

– И позволяет себе еще что-нибудь?

– В автобусах – нет.

– А в других местах?

– Не знаю, не пробовал. То есть не давал ему такой возможности. Коли уж вы так подробно хотите все знать, добавлю, что несколько раз получал пощечины. Меня охватывало бешенство и смущение, я ведь вовсе не чувствовал себя виновным. Но в то же время я и потешался. А однажды пощечину мне дала девушка, оказавшаяся левшой, так что досталось левой щеке, и тут-то уж мне было не до потехи и веселья. Я обдумал это и смог понять, в чем разница.

– Ну конечно же! – воскликнул профессор. – Левому Тихому досталось за правого, и именно это так развеселило правого. Зато когда правый получил за правого, было вовсе не смешно. Ему досталось, так сказать, не только за свое, но и по своей части лица.

– Вот именно. Стало быть, какая-то связь в моей несчастной голове имеется, но скорее эмоциональная, нежели осознанная. Сами эмоции ей тоже не чужды, просто я ничего об этом не знаю. Возможно, они не осознаются, но разве так может быть? В конце концов Экклес с его автоматическими реакциями плетет чепуху. Высмотреть в толпе симпатичную блондинку, маневрировать так, чтобы приблизиться к ней, сначала не ведая зачем, остановиться у нее за спиной и так далее – это же вполне продуманные действия, а не какие-то безусловные рефлексy. Продуманные, а стало быть, сознательные. Но ЧЬИ? КТО их обдумал, ЧЬЕ это сознание, если не МОЕ?

– Ах, знаешь, – вздохнул все еще возбужденный профес-

сор, – в конце концов объяснить можно. Пламя свечи видно в темноте, но не при солнечном свете. Возможно, у правого полушария и есть какое-то сознание, но слабенькое, как свеча, и доминирующее сознание левого подавляет его. Вполне воз...

Профессор молниеносно наклонился, и это спасло его. Левая нога стащила с себя туфлю, упираясь каблуком о ножку стула, а потом швырнула ее с такой силой, что туфля, словно снаряд, врезалась в стену, на волосок от головы профессора.

– Возможно, все обстоит именно так, – заметил я, – но оно чертовски раздражительно.

– Быть может, интуитивно чувствует себя в опасности под влиянием нашего разговора, вернее, того, что могло из него понять, – предположил профессор. – Кто знает, не следовало ли обращаться непосредственно к нему.

– Так, как это делаю я? Об этом я как-то не подумал. Но, собственно, зачем? Что бы вы хотели ему сообщить?

– Все будет зависеть от его реакции. Твой случай уникальный. До сих пор ни одного умственно здорового, к тому же неординарного человека еще не подвергали каллотомии.

– Поставим вопрос четко, – ответил я, поглаживая левую руку, чтобы успокоить ее, а то она начала сгибать и разгибать пальцы, что выглядело подозрительно. – Мои интересы не совпадают с интересами науки. Тем более что я, по вашему выражению, случай уникальный. Начни вы или кто иной до-

говариваться с НИМ – вы понимаете, о чем я, – то для меня может оказаться неудобным и даже чрезвычайно вредным, если в результате оно станет приобретать все большую самостоятельность.

– Это невозможно, – решительно возразил профессор. Слишком решительно, на мой взгляд. Его глаза без очков не казались беспомощными, как обычно у людей близоруких. Он глянул на меня так быстро, словно и не нуждался в очках, и тут же опустил глаза.

– Как правило, происходило именно то, что считается невозможным, – я старательно подбирал слова. – Вся история человечества сплошь состоит из таких невозможностей, да и прогресс науки тоже. Некий юный философ втолковывал мне, что состояние, в котором я нахожусь, невозможно, ибо противоречит всем установкам философии. Сознание должно быть неделимым. Так называемое раздвоение личности – это ведь, по сути дела, чередующиеся видоизмененные состояния, связанные с помехами в памяти и в ощущении идентичности. Это вам не торт!

– Вижу, ты здорово начитался специальной литературы, – заметил профессор, нацепив на нос очки. И добавил что-то, чего я не расслышал. Я хотел сказать, что, с точки зрения философов, сознание нельзя кроить на кусочки, как торт, но замолчал, так как моя левая рука, ткнув пальцем в ладонь правой, принялась подавать сигналы. Раньше такого не случалось. Макинтайр заметил, что я смотрю на собственную

руку, и сразу понял, в чем дело.

– Оно что-то говорит? – спросил он полушепотом, как обычно говорят, когда не хотят, чтобы кто-нибудь услышал.

– Да, – я был страшно удивлен, но вслед за рукой повторил: – Она хочет кусочек торта.

Возбуждение, появившееся на лице профессора, заставило меня похолодеть. Заверив левую руку, что торт она получит, если спокойно подождет, я вернулся к своему.

– С вашей точки зрения, было бы прекрасно, если бы оно приобретало все большую самостоятельность. Я не обижаюсь, понимаю, что это было бы неслыханно: два вполне развитых типа в одном теле, сколько же здесь возможных открытий, экспериментов и так далее. Однако меня такой демократизм в собственной голове не устраивает. Я хочу быть как можно менее, а не как можно более раздвоенным.

– Прекрасно понимаю... – добродушно улыбнулся профессор. – Вотум недоверия. Уверяю тебя, все услышанное я сохраню в тайне. Так сказать, под печатью. Кроме того, я даже не думаю предлагать какое-либо конкретное лечение. Ты сделаешь то, что сочтешь нужным. Прошу как следует подумать, не здесь и не сейчас, разумеется. Ты долго еще удержишься в Мельбурне?

– Не знаю. В любом случае позволю себе позвонить вам. Тарантога, сидевший в приемной, вскочил нам навстречу.

– Ну и как?.. Профессор?.. Ийон?..

– Пока еще решение не принято, – официальным тоном

сказал Макинтайр. – Мистеру Тихому надо кое-что для себя решить. Я всегда в его распоряжении.

Будучи человеком слова, я велел остановить такси у первой же кондитерской, купил кусочек торта и съел его прямо в машине, хотя сам не чувствовал потребности в сладком. Я решил хотя бы некоторое время не забивать себе голову вопросами, у КОГО разыгрался аппетит, коли все равно никто, кроме меня, на такие вопросы ответить не мог.

Наши с Тарантогой комнаты были через стенку, я зашел к нему и в общих чертах пересказал ход встречи с Макинтайром. Рука несколько раз перебивала меня, чувствуя себя неудовлетворенной. Дело в том, что торт был слишком приторным, а я этого не терплю. Тем не менее я проглотил его, считая, что делаю это ради *него*, но оказалось, что и у *него* – у меня и того второго – у него и у меня – а черт его знает, наконец, у кого с кем – вкусы одинаковые. Это вполне понятно, если учесть, что рука сама есть, как вы понимаете, не может, а рот, язык, нёбо у нас общие. Мне начинало мучительно казаться – как в идиотском сне, немного кошмарном, а немного забавном, – что я ношу в себе если не новорожденного, то маленькое, капризное, хитрое дитя. Вспомнилась гипотеза каких-то психологов, что новорожденные лишены единого сознания, поскольку нервные волокна их большой мозговой спайки еще не развиты.

– Тут тебе какое-то письмо, – вырвал меня из задумчивости Тарантога.

Я удивился: ведь ни одна живая душа не ведала о месте моего пребывания. Письмо было отправлено из столицы Мексики, авиа, без обратного адреса. В конверте лежал небольшой листок с машинописным текстом: «Он из ЛА». Ничего больше. Я перевернул листок. Чисто.

Тарантога взял письмецо, взглянул на него, потом на меня.

– Что сие означает? Ты понимаешь?

– Нет. То есть... да. ЛА – скорее всего Лунное Агентство. Они меня посылали.

– На Луну?

– Да. В разведку. Вернувшись, я должен был дать отчет.

– И дал?

– Да. Написал все, что помнил. Отдал парикмахеру.

– Парикмахеру?

– Так мы договорились. Чтобы не идти к ним. Но кто такой «он»? Скорее всего Макинтайр. Кроме него, я тут ни с кем не встречался.

– Постой. Ничего не понимаю. Что было в том отчете?

– Этого я даже вам сказать не могу. Обязан хранить тайну.

В общем-то всего ничего. Очень многое я позабыл.

– После того, что случилось?

– Да. Что вы делаете, профессор?

Тарантога вывернул разорванный конверт наизнанку. Там было написано карандашом, печатными буквами: «Сожги. Чтобы правое не погубило левое».

Я вроде бы по-прежнему ничего не понимал, но был тут, однако, какой-то смысл. Неожиданно я взглянул на Тарантогу широко раскрытыми глазами.

– Начинаю догадываться. Ни в конверте, ни на листке нет ни одного существительного. Понимаете?

– Ну и что?

– Оно лучше понимает существительные. Тот, кто писал, хотел, чтобы я о чем-то узнал, а оно – нет... – одновременно я правой рукой многозначительно коснулся правого виска.

Тарантога встал, прошелся по комнате, побарабанил пальцами по крышке стола и сказал:

– Если сие должно означать, что Макинтайр...

– Молчите.

Я вынул из кармана блокнот и написал на чистой страничке: «Оно лучше понимает то, что слышит, а не то, что читает. Поэтому некоторое время будем общаться письменно. Похоже, оно помнит то, чего не помнил я, когда писал отчет. И кто-то об этом знает или по крайней мере это предполагает. Я не стану звонить и не пойду; видимо, он и есть тот самый “он”. Он хотел с *ним* поговорить так, как это делаю я. Допросить. Напишите ответ».

Тарантога прочел, нахмурился и, ничего не говоря, принялся писать, перегнувшись через стол: «А если он из ЛА, то зачем такой обходной путь? ЛА могло обратиться к тебе непосредственно или нет?»

Я ответил: «Между теми, к кому я обращался в Н-Й, на-

верняка был кто-то из ЛА. От него они узнали, что я сообщал, как можно с *ним* общаться. Раз я сразу же сбежал, они не могли сделать того же. Видимо, это должен был сделать сын человека, который дружил с вашим отцом, если аноним говорит правду. Может, он вытянул бы из *него* все, что *оно* помнит, не вызывая моих подозрений. Я бы и не знал, чего он от *него* добился. Обратись же они официально непосредственно ко мне, я мог бы отказаться от допроса, и они б не знали, как поступить, потому что с точки зрения закона *оно* неправомочное существо, и только я могу соглашаться на то, чтобы с *ним* кто-то разговаривал. Прошу пользоваться местоимениями, причастиями, глаголами, а также по возможности прибегать к сложным выражениям».

Профессор вырвал из блокнота исписанный мной листок, спрятал в карман и написал: «Но почему, собственно, ты не хочешь, чтобы *оно* узнало о том, что сейчас происходит?»

«На всякий случай. Из-за того, что было написано на конверте. Это не может быть из ЛА, потому что ЛА явно не заинтересовано охранять меня от меня же. Написал кто-то другой».

На этот раз ответ Тарантоги был кратким: «Кто?»

«Не знаю. О том, что происходит там, где я был и где со мной случилось то, что случилось, охотно узнали бы многие. Видно, у ЛА солидная конкуренция. Я считаю, что надо отказаться от общества кенгуру. Смываемся. Повелительного наклонения *оно* не понимает».

Тарантога вынул из кармана листки, скатал их в шарик вместе с письмом и конвертом, поджег и бросил в камин, глядя, как горящие бумажки превращаются в пепел.

– Пойду в бюро путешествий, – сказал он. – Что собираешься делать?

– Побреюсь. Борода страшно щекочет, да и не нужна она теперь. Чем скорее, тем лучше, профессор. Можно и ночным. И не говорите куда.

Я брился в ванной комнате и, глядя в зеркало, строил себе рожицы. Левый глаз даже не моргнул. Я выглядел совершенно нормально. Ополоснулся и начал упаковывать вещи, время от времени поглядывая на левую ногу и руку, но они вели себя прекрасно. Лишь в последний момент, когда я укладывал галстуки, левая рука бросила на пол зеленый в коричневую крапинку, который я любил, хотя он был не первой молодости. Неужто он ей не нравился? Я поднял его правой рукой и подал левой, пытаясь заставить ее положить галстук в чемодан. Произошло то, что я уже замечал не раз. Рука слушалась, но пальцы не желали и раскрылись, выпустив галстук, который снова упал на коврик у кровати.

– Вот так история, – вздохнул я. Затолкал галстук правой рукой и защелкнул чемодан. Тарантога открыл дверь, молча показал мне две билетные книжки и пошел упаковываться. Я размышлял о том, есть ли у меня основания опасаться правого полушария. Думать об этом я мог совершенно спокойно, раз оно ничего не знало и узнать могло только в том слу-

чае, если я сообщу ему с помощью руки. Человек и сам не ве-
дает, что ему известно. Так уж он устроен. Содержание кни-
ги можно узнать по оглавлению, но в голове оглавления нет.
Голова – вроде заполненного мешка, и, чтобы узнать, что там
лежит, надо все повиныскивать. Проникать в память мыслью,
как рукой в мешок. Пока Тарантога расплачивался за гости-
ницу, пока мы в сумерках ехали на аэродром, а затем сидели
в зале ожидания, я пытался восстановить в памяти все слу-
чившееся после возвращения из Тельца, чтобы сориентиро-
ваться, что же я все-таки помню. Землю я застал совершенно
изменившейся. Всеобщее разоружение стало фактом. Даже
сверхдержавы уже были не в состоянии финансировать гон-
ку вооружений. Чем совершеннее становилось оружие, тем
дороже оно обходилось. Похоже, именно это привело к за-
ключению Женевского соглашения. В Европе и Соеди-
ненных Штатах никто уже не желал идти в армию. Людей заме-
няли автоматами, однако каждый автомат стоил столько же,
сколько реактивный самолет. Живые солдаты боевым духом
уступали неживым. Впрочем, это были вовсе не роботы, а
небольшие электронные блоки, встроенные в ракеты, само-
ходные орудия, танки, плоские, как огромные клопы, потому
что в них не требовалось места для экипажа, а когда такой
управляющий блок выходил из строя, его заменял резерв-
ный. Основной задачей противников было повреждение ли-
ний управления, поэтому совершенствование военной тех-
ники состояло в повышении самостоятельности автоматов,

что происходило все успешнее и становилось все накладнее. Не помню, кто предложил новое решение, состоящее в том, чтобы весь военный комплекс перенести на Луну. Не в виде фабрик по изготовлению оружия, а в виде так называемых планетарных машин. Такие машины уже несколько лет использовались при исследовании Солнечной системы. Вспоминая это, я заметил, что, несмотря на все усилия, не могу припомнить множества деталей, да и не был уверен, знал ли их раньше. Если не можешь что-либо вспомнить, то по крайней мере сознаешь, что когда-то тебе это было известно, но я и этого сделать не мог. Кажется, перед началом операции я читал текст Женевской конвенции, но сейчас в этом не был уверен. Планетарные машины создавали многие фирмы, в основном американские. Они не походили ни на одно изделие, выпускавшееся до того промышленностью. Не фабрики, не роботы, а как бы нечто среднее. Некоторые напоминали гигантских пауков. Разумеется, была масса разговоров и призывов не вооружать их, а использовать исключительно для горных работ, но, когда дело дошло до переброски на Луну, оказалось, что каждое государство, у которого хватало на то сил, уже владело самоходными ракетными установками, орудийными батареями, способными нырять под воду, центрами управления огнем, именуемыми кротами, так как они зарывались глубоко под землю, и ползающими лазерными излучателями одноразового использования, устроенными так, что радиационный залп обеспечивался в них ядер-

ным зарядом, который в момент выстрела превращал излучатель в раскаленный газ. Каждое государство могло запрограммировать на Земле свои планетарные машины, а специально созданное Лунное Агентство перебрасывало их в соответствующий сектор на Луне. Были разработаны принципы паритетов, устанавливающие, кто, сколько и чего может там поместить, а международные смешанные комиссии присматривали за этим Исходом. Военные и научные эксперты каждого государства могли убедиться на месте, что их оборудование выгружено и действует как положено, после чего обязаны были все одновременно вернуться на Землю. В XX веке такое решение было бы бессмысленным, ибо гонка вооружений не столько вопрос количества, сколько проблема новизны, а последняя в то время зависела исключительно от людей. Новые же устройства действовали на ином принципе, заимствованном у естественной эволюции растений и животных. Это были системы, способные к так называемой радиационной и дивергентной автооптимизации. Говоря проще, они могли размножаться и преобразовываться. Я чувствовал некоторое удовлетворение от того, что помню и это. Неужто моему правому полушарию, интересующемуся в основном ягодицами блондинок и сладостями и страдающему идиосинкразией к определенному цвету галстуков, были в принципе не чужды такие проблемы? Может, его память не представляла собой никакой военной ценности? Если даже и так, тем хуже для меня, потому что, расшиби я

люб, доказывая, что оно ничего не знает, никто мне все равно не поверит. Возьмутся за меня, то есть за него, собственно, конечно, за меня, и если ничего не вытянут по-хорошему, знаками, которым я его научил, то обучат получше и не упустят ни одной мелочи. Чем меньше оно знает, тем больше здоровья я потеряю, а то и самое жизнь. И это вовсе не было какой-то манией преследования. Рассудив так, я продолжил исследование своей памяти. На Луне предстояло начать электронную эволюцию новых видов вооружения. Благодаря этому каждое государство, невзирая на разоружение, не оставалось безоружным, поскольку сохраняло самосовершенствующийся арсенал, и одновременно сводилась на нет возможность любого неожиданного нападения со стороны противника. Война без объявления стала невозможной. Чтобы начать военные действия, каждое государство вынуждено было вначале обратиться в Лунное Агентство за получением права доступа к своему лунному сектору. Этого невозможно было утаить, а значит, тот, кому угрожали, тоже имел бы такое право и началась бы обратная транспортировка средств поражения на Землю. Однако клапаном безопасности, который сводил на нет такую возможность, была необитаемость Луны. Никто не мог выслать туда ни людей, ни разведывательные аппараты, чтобы проверить, каким военным потенциалом в данный момент располагает. Придумано было хитро, хотя проект вначале натолкнулся на сильное сопротивление штабов и замечания политиков. Луна должна была стать

испытательным полигоном для оружия, эволюционирующего внутри выделенных государствам секторов. В первую очередь следовало свести к нулю возможность конфликтов между секторами. Если оружие, возникшее в одном секторе, напало бы на другой и уничтожило находящееся там вооружение, это нарушило бы желаемое равновесие сил. Сообщение, поступившее с Луны, немедленно привело бы к восстановлению ситуации, предшествующей соглашению, а возможно, и к войне, которую вначале по необходимости вели бы весьма скромными средствами. Однако спустя некоторое время противоборствующие стороны вновь восстановили бы военную промышленность. Правда, программы лунных систем были под контролем Лунного Агентства и смешанных комиссий ограничены таким образом, чтобы не допустить нападения одних секторов на другие, но эта страховка считалась недостаточной. По-прежнему никто никому не доверял. Женевское соглашение не превратило ни людей в ангелов, ни межгосударственные отношения в любовное согласие святых. Поэтому по окончании работ Луна была объявлена зоной, недоступной для всех, в том числе и для Лунного Агентства. Если б на каком-либо из полигонов программы, обеспечивающие безопасность, оказались уничтожены либо нарушены, Земля узнала бы об этом мгновенно, ибо каждый сектор был окружен заслоном, напичканным датчиками, действующими самостоятельно и непрерывно. Датчики должны были поднять тревогу, если бы любой вид оружия,

пусть даже просто металлический муравей, преступил границу, образованную ничейной полосой. Однако и это не давало стопроцентной гарантии мира на Луне. Зато считалось, что такую гарантию обеспечивает доктрина так называемого тотального неведения. Конечно, каждое правительство знало, что в его секторе развивается все более совершенное оружие, но не имело представления, каково оно, а главное, совершеннее ли оно того, которое создавалось в других секторах. Не могло знать, ибо пути эволюции неисповедимы. Это установлено уже достаточно давно, и основным препятствием была неподатливость штабистов и политиков на аргументы ученых. Твердолобых убедили не логические доводы, а прогрессирующий развал экономики, вызываемый традиционным развитием вооружений. Даже последний идиот должен был в конце концов понять, что для гибели вовсе не нужна война, атомная ли, неатомная, если к ней вполне успешно ведут постоянно увеличивающиеся расходы на вооружение; безрезультатные же переговоры об их сокращении не прекращались уже десятки лет, потому лунный проект оказался единственно реальным выходом из тупика. Каждое правительство могло считать, что благодаря лунным базам становится все могущественнее в военном отношении, но не имело возможности сравнить возникавшей там разрушительной силы с силами других государств. Ну а поскольку никто не знал, может ли он рассчитывать на победу, то никто и не мог позволить себе риск начать войну.

Ахиллесовой пятой такого решения была действительность контроля. Эксперты сразу же поняли, что первым, в чем будет состоять задача программистов каждого государства, окажется такое устройство переправляемых на Луну систем, которое сумеет свести на нет эффективность надзора. И во-все не обязательно нападением на контролирующие спутники, но действием более хитрым, труднее обнаруживаемым – путем тайного проникновения в их связь для того, чтобы исказить наблюдаемые данные, передаваемые на Землю, а в особенности Лунному Агентству. Я прекрасно помнил все это и потому, поднимаясь вслед за Тарантой в самолет, чувствовал себя уже спокойнее и все-таки, усевшись в кресло, снова принялся перетрашивать свою память. Да, все понимали, что ненарушаемость мира зависит от ненарушаемости контроля, а секрет был в том, как обеспечить ее сто-процентно. Задача казалась неразрешимой, как *regressus ad infinitum*³: следовало создать систему, следящую за неприступностью контроля, но ведь и она могла стать мишенью для нападения, потому пришлось бы создавать контроль системы контроля за контролем системы и так до бесконечности. Эту бездонную дыру, однако, заткнули достаточно просто. Луну опоясали двумя сферами надзора. Внутренняя следила за неприкосновенностью секторов, а внешняя – за неприкосновенностью внутренней. Гарантией безопасности должна была служить полнейшая независимость обеих сфер

³ Возвращение в бесконечность (*лат.*).

от Земли. Тем самым гонка вооружений на Луне должна была происходить в абсолютной тайне от всех государств и правительств. Могли прогрессировать вооружения, но не надзор за ними. Последнему предстояло функционировать без изменений в течение ста лет. Собственно, все это, вместе взятое, выглядело достаточно иррационально. Каждое государство знало, что его лунный арсенал обогащается, но не знало как. Тем самым не имело от него никакой пользы в политике. Поэтому, вообще-то говоря, следовало бы договориться о полном разоружении без всяких лунных сложностей, но об этом не хотели и слышать. То есть, конечно, такие разговоры велись с первых дней истории человечества. Результат известен. Когда же наконец проект демилитаризации Земли и милитаризации Луны был одобрен, стало ясно, что рано или поздно начнутся попытки нарушить доктрину неведения. Действительно, время от времени в прессе под огромными заголовками появлялись сообщения о разведочных автоматах, которые либо вовремя сбегали после их обнаружения, либо, как говорится, попадали в плен к спутникам-перехватчикам. Каждая сторона тут же принималась обвинять другую, но установить происхождение разведчика было невозможно, так как электронный наблюдатель – не человек. Из него никаким путем ничего не вытянешь, ежели его сконструировали соответствующим образом. Спустя некоторое время такие анонимные разведчики, именовавшиеся космическими шпионами, перестали появляться. Че-

ловечество вздохнуло, тем более что все мероприятие имело и хозяйственную сторону. Лунные вооружения не стоили и ломаного гроша. Энергию им поставляло Солнце, сырье – Луна. Все это должно было дополнительно ограничить эволюцию вооружений, ибо на Луне отсутствуют руды металлов.

Штабисты всех стран не желали вначале соглашаться с проектом, утверждая, будто оружие, приспособленное к лунным условиям, может оказаться на Земле непригодным хотя бы потому, что там нет атмосферы. Не помню, как все-таки «добрались» до Луны, хотя наверняка и это мне в Лунном Агентстве объяснили. Мы летели с Тарантогой в машине БОАК⁴; за бортом стояла тьма египетская, и я не без юмора вдруг подумал, что понятия не имею, куда лечу. Решил только, что Тарантогу спрашивать не стоит. Зато мне пришло в голову, что, пожалуй, будет безопасней, если мы побыстрее расстанемся. В том глупейшем положении, что оказался я, лучше было молчать и положиться на самого себя. Успокаивала мысль, что *она* не может узнать, о чем я думаю. Словно в голове у меня сидел враг, хотя я прекрасно знал, что никакой это не враг.

Лунное Агентство было надгосударственным органом, порожденным ООН, а обратилось оно ко мне по достаточно щекотливому поводу. Дублированная система контроля действовала, как оказалось, *слишком хорошо*. Было извест-

⁴ Британская авиакомпания. – Здесь и далее примеч. пер.

но, что межсекторные границы не нарушаются, но и только. В изобретательных и беспокойных головах вырисовывалась картина нападения необитаемой Луны на Землю. Военизированное содержимое секторов не могло вступить в непосредственный конфликт или в материальный либо информационный контакт, но такое положение не вечно. Секторы способны были научиться передавать друг другу информацию через грунт, например, по так называемым сейсмическим каналам, маскируя искусственно вызванные колебания под естественные сейсмические явления, время от времени сотрясающие лунную кору. Самосовершенствующиеся вооружения могли, таким образом, в конце концов объединиться, чтобы однажды обрушить свой чудовищно возросший потенциал на Землю. Почему? Ну, скажем, вследствие аберрации эволюционных процессов. Какая выгода для безлюдных армий от того, что Земля превратится в пепелище? Разумеется, никакой, но и рак, столь часто встречающийся в организмах высших животных и людей, тоже ведь постоянное, хотя бесполезное и даже весьма вредное последствие естественной эволюции. Когда начали писать и говорить о лунном «раке», когда появились посвященные такого рода вторжению трактаты, статьи, фильмы, книги, изгнанный с Земли страх перед атомной гибелью вернулся в новой ипостаси. Система надзора включала и сейсмические датчики, и нашлись специалисты, утверждавшие, будто колебания лунной коры стали повторяться чаще, а кривые, вычер-

ченные сейсмографами, якобы представляют собой шифры, посредством которых осуществляют контакт секторы, однако из этого не последовало ничего, кроме растущего страха. Лунное Агентство распространяло сообщения, которые, казалось бы, должны были успокоить общественное мнение, в них утверждалось, что вероятность такого события не составляет и одной двадцатимиллионной, однако столь точные вычисления отскакивали от умов человеческих как от стенки горох. Страх просачивался даже в программы политических партий, и раздавались голоса, требующие периодического контроля самих секторов, а не только их границ. Им возражали представители Агентства, разъяснявшие, что любая инспекция может преследовать и шпионские цели, попытаться раскрыть современное состояние лунных арсеналов. В конце концов после долгих и трудных совещаний и конференций Лунное Агентство получило полномочия на разведки. Оказалось, что проведение таковых отнюдь не столь просто, как думалось. Ни один из рекогносцировочных аппаратов не вернулся и даже ни разу не пикнул по радио. Посылали специально защищенные посадочные аппараты с телеаппаратурой. Они, как показало спутниковое наблюдение, опускались в назначенных местах, на Море Дождей, Морях Холода и Нектара, в ничейных зонах между секторами, но ни один не передал ни одного изображения. Каждый словно проваливался в лунный грунт. Ясное дело, это только увеличило панику. Возникла ситуация крайней напряженности.

Как писала пресса, в качестве превентивной меры Луну следует раздолбать водородными ракетами. Однако сначала такие ракеты надо было заново создавать и тем самым возродить атомное оружие. Именно такие страхи и неразбериха и породили мою миссию.

Мы летели над плотным покровом туч, слегка волнистым, наконец их вершины порозовели в лучах еще скрытого за горизонтом Солнца. Я размышлял о том, почему так хорошо помню все земное и в то же время столь немногое могу вспомнить из того, что произошло на Луне. О причине я сумел догадаться. Недаром с момента возвращения изучал медицинскую литературу. Знал, что существует два вида памяти: кратковременная и долговременная. Иссечение большой спайки не нарушает того, что мозг уже твердо усвоил, свежие же воспоминания, едва возникшие, вместо того чтобы перейти в долговременную память, улетучиваются. А в первую очередь улетучивается то, что человек пережил и заметил перед самой операцией. Поэтому-то я не помню многое из того, что приключилось со мной на Луне за те семь недель, которые я проплутал от сектора к сектору. В голове осталось только ощущение необычности, но поскольку я не мог облечь его в слова, то не упоминал и в своем отчете. Значит, там не было ничего тревожного, так мне по крайней мере казалось. Никакого сговора, готовности, стратегической конспирации, направленной против Земли. Я воспринимал это как факт. Однако мог ли я поклясться, что мои ощу-

ния отражают реально существующее положение? Что *оно* не знает ничего больше?

Тарантога молчал, время от времени поглядывая на меня. Как обычно при полетах на восток, а под нами был Тихий океан, календарь заикнулся и потерял один день. БО-АК сэкономила на пассажирах. Мы получили только по кусочку жареной курицы с салатом перед самой посадкой, как оказалось, в Майами. До вечера было еще далеко. Таможенные собаки обнюхали наши чемоданы, и мы вышли на улицу, увы, слишком тепло одетыми. В Мельбурне было значительно холоднее. Нас ожидал автомобиль без водителя. Тарантога, видно, заказал его еще из Австралии. Погрузив чемоданы в багажник, мы поехали по шоссе в потоке машин, все еще молча, так как я попросил профессора не говорить даже, куда мы едем. Возможно, предосторожность была ненужной, даже совершенно излишней, но я предпочитал придерживаться такой тактики до тех пор, пока не придумаю что-нибудь получше. Впрочем, ему не пришлось ничего мне объяснять. После двухчасовой езды по боковой дороге, увидев большое белое здание в окружении павильонов поменьше, стоявших среди пальм и кактусов, я понял, что мой сердечный друг привез меня в сумасшедший дом. Я подумал, что это не худший вариант убежища. В авто я предусмотрительно уселся сзади и время от времени поглядывал, не едет ли кто за нами следом, однако мне и в голову не пришло, что я могу быть столь важной, прямо-таки драгоценной персо-

ной, чтобы за мной следили менее традиционными способами, нежели в детективном романе. С современного искусственного спутника можно наблюдать не только за авто, но и сосчитать спички, рассыпанные на садовом столике. Однако об этом я не подумал, вернее, не подумала та половина моего мозга, которая могла и без помощи языка глухонемых понять, в какую историю влип Ийон Тихий.

II. Посвящение

В самое затруднительное за всю жизнь положение я попал совершенно случайно, намереваясь после возвращения с Энциии увидеться с профессором Тарантогой. Дома его не оказалось – он зачем-то полетел в Австралию. Правда, соби-рался вскоре вернуться, но, поскольку выращивал какую-то особую примулку, требующую частого полива, на время от-сутствия поселил в своей квартире кузена. Не того, который коллекционирует надписи, обнаруженные в клозетах всего мира, а другого, занимающегося палеоботаникой. У Таран-тоги множество кузенов. С этим я не был знаком. Он встре-тил меня в домашней куртке и без брюк, поднявшись из-за пишущей машинки, в которую был вставлен лист бумаги, по-этому я собрался было тут же уйти, но он не дал. Я не только не помешал ему, сказал он, но пришел в самое время, ибо он пишет трудную новаторскую книгу, а собраться с мысля-ми ему гораздо легче, когда он может рассказать суть изла-гаемой главы, пусть даже и случайному слушателю. Я испу-гался, решив, что он пишет нечто ботаническое и начнет за-бивать мне голову лопухами, тычинками и завязями, но, к счастью, этого не случилось. Более того – он довольно силь-но меня заинтриговал. С незапамятных времен, сказал он, среди первобытных диких племен крутились всяческие ори-гиналы, повсеместно почитаемые за сумасшедших. Они пы-

тались жевать все, что попадало на глаза – листья, клубни, побеги, стебли, свежие и высушенные корни всевозможных растений, при этом мерли как мухи, ведь среди растений, которые они «брали на зубок», уйма ядовитых. Однако это не пугало вновь появлявшихся нонконформистов, которые брали на себя тот же небезопасный труд. Только благодаря им сейчас известно, каковы столовые достоинства спаржи или шпината, что делать с листьями лавра, а что – с мускатным орехом и что от волчьей ягоды надо держаться подальше. Кузен Тарантоги обратил мое внимание на известный мировой науке факт – дабы установить, какое растение лучше всего годится для курения и вдыхания его дыма, сизифам древности пришлось собирать, сушить, выдерживать, скручивать и превращать в пепел листья чуть ли не 47 000 видов растений, прежде чем они напали на табак, ибо ни на одной ветке не висело таблички, уведомляющей, что, мол, *это* годится для изготовления сигар, а после измельчения – табака. Полчища подобных прапросветителей брали в рот, грызли, жевали, дегустировали и глотали все, абсолютно все, что бы и где бы только ни росло – под забором или на дереве, и притом в любом виде: вареное, всырую, с водой и без воды, отцеженное и без отцеживания, а также в бесчисленных комбинациях, благодаря чему мы пришли на готовое и знаем, что капуста хороша со свининой, а в pendant⁵ к зайчатине идет свекла. Из того, что кое-где не признают к зайчатине

⁵ В дополнение, под стать (*фр.*).

свеклу, а предпочитают, например, красную капусту, кузен Тарантоги делает вывод о более раннем возникновении данной общественной формации. Славяне немыслимы без борща. Видимо, у каждой нации были свои экспериментаторы, и уж коли они однажды остановились на свекле, то потому-ки остались ей верны, пусть даже соседние народы относились к этому овощу пренебрежительно. О различиях гастрономической культуры, обуславливающих различия в национальном характере (корреляция мятного соуса с английским сплином в случае говяжьей отбивной, например), кузен Тарантоги напишет особую книгу. В ней он покажет, почему китайцы, которых издавна уже так много, любят есть палочками, причем все порубленное, измельченное и обязательно с рисом. Но об этом он будет писать потом.

«Каждый знает, – возвысил он голос, – кто такой Стефенсон, каждый уважает его за банальный локомотив, но что такое локомотив, к тому же не современный, а паровой, по сравнению с артишоками, которые останутся с нами навечно?!» Овощи, не в пример технике, не устаревают, и я застал его как раз за обдумыванием главы, посвященной этой оригинальной теме. Разве Стефенсону, который, кстати, поставил на колеса уже готовую паровую машину Уатта, грозила от такого поступка смерть? Или разве жизнь Эдисона, когда он придумывал фонограф, подвергалась опасности? В худшем случае обоим грозили семейные неприятности и банкротство. Как все-таки несправедливо, что изобретателей тех-

нических древностей обязан знать каждый, а великих изобретателей гастрономии не знает никто и никто даже не подумает о том, что следовало хотя бы поставить памятник Неведомому Кухмистеру. Ведь тьма этих безвестных героев пала в страшных мучениях от самоубийственных опытов, например, во время сбора грибов, когда не было иного способа отличить съедобные от ядовитых, как съесть собранное и ждать, грянет ли уже последний час.

Почему школьные учебники заполнены сказочками о разных Александрах Великих, которые, будучи сыновьями царей, приходили на готовенькое? Зачем детям знать о Колумбе, открывшем Америку, если он открыл ее случайно, направляясь в Индию, а об открывателе огурца там нет ни слова? Без Америки можно обойтись, впрочем, рано или поздно она дала бы о себе знать сама, а вот огурец не дал бы, и нам пришлось бы обходиться без приличного маринада к мясу. Сколь героичны и светозарны были смерти этих анонимов! Если солдат шел на вражеские окопы не всегда по своей воле, то никто и никогда никого не принуждал подвергать себя смертельной опасности от неведомых грибков или ягодок. Кузен Тарантоги был бы рад видеть соответствующие таблички, вмурованные у входа в каждый приличный ресторан, с соответствующими же надписями вроде «Mortui sunt ut nos bene edamus»⁶ либо хотя бы «Make salad, not war»⁷. Особен-

⁶ Лучше умереть сытым (лат.).

⁷ Делай салат, а не войну (англ.).

но возле вегетарианских столовых, потому что с мясом было меньше неприятностей. Чтобы прокрутить фарш на котлеты или рубить гамбургеры, достаточно было подсмотреть, что гиена или шакал творят с падалью. То же самое с яйцами. За шестьсот видов сыра французы, возможно, и заслужили небольшую плакетку, но уж никак не памятник и не мраморную доску, потому что большинство своих сыров они пооткрывали по рассеянности – какой-то забывчивый пастух оставил рядом с куском сыра немного плесневеющего хлеба – так родился рокфор. Когда кузен принялся разносить современных политиков, считающих овощи пустячком, зазвонил телефон. Подняв трубку, кузен Тарантоги передал ее мне, сказав, что просят меня. Я сильно удивился: ведь никто не мог знать о моем возвращении со звезд, но вскоре все выяснилось. Кто-то из генерального секретариата ООН хотел узнать у Тарантоги мой адрес, а кузен, так сказать, сделал короткое замыкание, попросив к телефону меня. Говорил доктор Какесут Вагатан, чрезвычайный советник по вопросам глобальной безопасности при генеральном секретариате Организации Объединенных Наций. Он желал встретиться со мной по возможности быстрее, мы договорились на следующий день, и, записав себе в блокнот время приема, я понятия не имел, куда сунул голову. Однако в данный момент звонок оказался кстати, прервав поток излияний кузена Тарантоги, который намеревался говорить о перечных приправах. Мне удалось распрощаться, сославшись на сроч-

ность дел и пообещав вскоре навестить снова (чего делать я вовсе не собирался).

Позже Тарантога сказал мне, что примула засохла, потому что кузен в палеоботаническо-гастрономическом угаре забыл о ее поливе. Явление я счел типичным: тому, кто отдаст себя многим, не до единиц. Потому-то у великих усовершенствователей, стремящихся осчастливить сразу все человечество, не хватает терпения на отдельных людей.

Шило не скоро вылезло из мешка. Я не сразу узнал, что мне предстоит подставить голову под топор во имя счастья человечества, выясняя на Луне, что там замышляют хитроумные вооружения. Для начала меня принял доктор Вагатан. Попотчевал кофе мокко и выдержанным коньяком. Это был азиат – сплошные улыбки, азиат истинный, ибо я не узнал от него вообще ничего – так он хранил тайну. Похоже, генеральный секретарь пожелал непременно ознакомиться с моими книгами, но, будучи человеком невероятно перегруженным своими высокими обязанностями, хотел, чтобы я сам посоветовал ему то из написанного, что считаю наиболее существенным. Как бы случайно к Вагатану заглянуло еще несколько человек подписать документы. Отказать было трудно. Разговор шел – а как же! – о роботах, о Луне, в основном о ее исторической роли как атрибута или декорации в любовной лирике. Значительно позже я понял, что это были не обычные беседы, а переход от screening⁸ к

⁸ Проверка политической благонадежности (*англ., разг.*).

clearans⁹, ведь кресло, в котором я так удобно расположился, было сплошь нашпиговано датчиками, чтобы по малейшему напряжению мышц изучить мои реакции на слова вроде «Луна» или «робот», именуемые ключевыми раздражителями. Ситуация, которую я оставил на Земле, направляясь к звездам Тельца, в известной мере перевернулась: теперь мою пригодность в качестве разведчика исследовал и определял компьютер, а мои собеседники служили лишь инструментом для аускультации¹⁰. Сам не знаю, как получилось, но через день я снова зашел в бюро ООН, а потом еще раз, коль скоро меня приглашали. Они хотели видаться со мной постоянно и неотступно, я начал вместе с ними обедать в буфете их ведомства, кстати, весьма посредственном, но внекомпанийская цель моих все более частых посещений оставалась неясной. Вроде бы в ООН подумывали об издании собрания моих сочинений на всех языках мира, а их больше четырех с половиной тысяч. Я человек не тщеславный, но идею счел стоящей. Новые знакомцы оказались горячими поклонниками моих «Звездных дневников». Это были доктор Рортей, инженер Тоттентанц и два Киббилькиса, братья-близнецы, которых я научился различать по галстукам. Оба – математики. Старший, Кастор, занимался алгомастикой, то есть алгеброй таких конфликтов, которые фатально заканчиваются для всех впутавшихся в них сторон. (Эту ветвь теории игр

⁹ Очистка, устранение (англ.).

¹⁰ Выслушивание (мед.).

иногда называют садистикой, и коллеги называли Кастора садистиком, причем Рортей утверждал, что полное имя Кастора – Кастор Ойл, надо думать, это была шутка.) Второй Киббилькис, Поллукс, был статистиком и отличался особым свойством после долгого молчания встревать в разговор с вопросами, не имеющими никакого отношения к обсуждаемой теме, например, сколько человек во всем мире ковыряют в данный момент в носу? Будучи феноменальным вычислителем, он высчитывал такие штуки почти мгновенно. Один из четверых обычно ожидал меня в вестибюле размером с ангар для кораблей многоразового использования и провожал к лифту. Мы ехали к Киббилькисам в их лабораторию или к профессору Йонашу Куштыку, тоже, видимо, влюбленному в мои книги, коли он ухитрялся цитировать меня на память с указанием страницы и года издания. Куштык, как и Тоттентанц, занимался теорией дистантников, или телеферистикой. Телеферистика – новая отрасль роботики, именуемая опосредованием, или переприсудией, то есть передачей присутствия (прежде это называлось *telepresence*¹¹). Лозунг телеферистов: «Не можешь сам – пошли дистантника». Именно Куштык и Тоттентанц уговорили меня испробовать дистантника, то есть дать себя переприсудить. Кстати, человек, все ощущения которого радиоволны передают дистантнику, зовется передистом, то есть переданным дистанционно. Иногда его еще зовут «дистандером», так как он управ-

¹¹ Телеприсутствие (*англ.*).

ляет дистантником.

Я охотно согласился, и лишь значительно позже мне пришло в голову, что все они вовсе не были влюблены в мое творчество, а читали меня по долгу службы, ибо вместе с другими сотрудниками Лунного Агентства, которых я не стану перечислять, чтобы не увековечить их имена, должны были потихоньку втянуть меня в проект, именуемый Лунной миссией. Почему потихоньку? Потому, что я ведь мог бы отказаться и вместо Луны отправиться домой, постигнув все секреты миссии. «Ну и что? – может спросить кто-нибудь по глупости. – Появится от того дыра в небе?» А секрет в том, что да, могла появиться. Субъект, выбранный Лунным Агентством из тысячи, должен был обладать величайшей компетентностью и абсолютной лояльностью. Компетентность – разумеется, но лояльность? По отношению к кому я должен был проявлять лояльность? К Агентству? В определенном смысле, поскольку оно представляло интересы всего человечества. Речь шла о том, чтобы ни одно государство и ни одна группа либо, возможно, тайная коалиция государств не могли узнать результатов лунной разведки, если она удастся, ибо тот, кто первым узнает тамошнее состояние вооружений, тем самым получает стратегическую информацию, дающую ему преимущество на Земле. Как видим, воцарившийся на ней мир вовсе не был идиллией.

Получалось, что ученые, которые донимали меня своей сердечностью и позволяли, словно ребенку, забавляться ди-

стантниками, фактически по ходу дела проводили исследование моего мозга, точнее, помогали делать это компьютерам, незримо присутствовавшим на всех наших беседах. Кастор Киббилькис со своими сюрреалистическими галстуками сидел там же в качестве теоретика конфликтов, оканчивающихся пирровыми победами, поскольку именно такой конфликт разыгрывался сейчас со мной или против меня, не знаю. Чтобы принять или отвергнуть миссию, мне надо было сначала ознакомиться с ней, а если бы я от нее теперь отказался либо принял и, вернувшись, выдал на сторону лишь мне известные результаты разведки, то сложилось бы положение, которое алгоматики называют предкатастрофическим. Кандидатов было много – различных национальностей, рас, образования, достоинств, я оказался одним из них, но не имел об этом ни малейшего представления. Избраннику предстояло стать делегатом человечества, а не шпионом, пусть даже и потенциальным, какого-либо государства. Криптонимом операции «Отруби» было кодовое наименование PAS (Perfect Assured Secrecy¹²). А «Отруби» потому, что речь шла о тщательном *просеивании* кандидатов и тем самым о селективно-идеальном отборе разведчика. В шифрованных рапортах меня именовали Миссионером. «Отруби» скрывали в себе намек на «Сито», напрямую не названное, чтобы кто-нибудь посторонний, упаси боже, не догадался, о чем идет речь.

¹² Абсолютная тайна, высшая степень секретности (англ.).

Объяснили ли мне сказанное до конца? Где там! Тем не менее, когда меня уже окрестили Миссионером (ЛЭМ – LEM, Lunar Efficient Missionary¹³) и я икс раз влезал в ракету, чтобы через два-три часа опять вылезти из нее в скафандре, увешанном проводами и трубками, так как там снова что-то отказало при стартовом отсчете (countdown¹⁴), у меня было достаточно времени, чтобы продумать все происходившее за последние месяцы, и я в конце концов понял скрытую суть игры, которую ЛА вело со мной по высшей ставке. Наивысшей не обязательно для человечества, но для меня, ибо и без всякой алгоматики и теории пирровых побед я пришел к выводу, что в такой ситуации самым верным способом соблюсти PAS было бы укокошить разведчика сразу же по его счастливом возвращении на Землю, когда он уже даст отчет. А поскольку я знал, что теперь они *вынуждены* выслать меня наверх, ибо я оказался наилучшим и наиболее верным из всех кандидатов, то между очередными отсчетами я сказал это своим коллегам – Киббилькисам, Куштыку, Благоузу, Тоттентанцу, Гаррафизе (о Гаррафизе я, возможно, еще скажу особо), которым вместе с несколькими техниками связи предстояло образовать наземную группу обеспечения моей селенологической одиссеи, то есть стать для

¹³ Лунный квалифицированный (умелый, деятельный) миссионер (*англ.*). Автор здесь и далее обыгрывает аббревиатуру LEM (ЛЭМ). Именно так вначале и назывался американский лунный экспедиционный модуль, впоследствии его стали называть LM (ЛМ) – лунный модуль.

¹⁴ Отсчет времени в обратном порядке (*англ.*).

меня тем, чем для Армстронга и К° был во время миссии «Аполлон» – Хьюстон. Поэтому, желая досадить этим лжецам как можно сильнее, я спросил, известно ли им, кто займется мною, когда я вернусь героем – само Лунное Агентство или подраженная ими Murder Incorporated¹⁵.

Именно так я и сказал, этими самыми словами, чтобы посмотреть на их реакцию, потому что если они вообще имели в виду *этот* вариант, то должны были понять меня с ходу. Они аж замерли, словно их громом поразило. Еще и сейчас вижу ту сцену. Небольшое помещение на космодроме, именуемое ожидальней, обставленное по-спартански – металл, покрытый светло-зеленым пластиком, автоматы с кока-колой, только кресла были действительно удобными, – я, в ангельски белом скафандре с головой под мышкой (со шлемом, но так говорится: у кого «голова под мышкой», тот, значит, уже должен лететь), напротив – верные друзья, ученые, врачи, инженеры. Кажется, первым заговорил Кастор Ойл. Что это-де не они, что это в уравнениях только, мол, сам компьютер, в сугубо математическом выражении решение леммы Perfect Assured Secrecy *оказалось* именно таким, но это ведь абстракция, не учитывающая этического фактора, никогда она не принималась всерьез, и я обижаю всех, говоря в такой момент, подозревая их, и так далее...

– Тэк-тэк! – ответил я. – Ясное дело, всему виной компьютер. Экий паршивец! Но довольно об этике. Все вы, сколько

¹⁵ Компания по организации убийств (англ.).

вас тут есть, почти святые, я, впрочем, тоже. Но неужто никому из вас с компьютером во главе не приходило в голову *такое* решение?

– Какое? – спросил отупевший Пирр Киббилькис (называли его еще и так).

– Такое, что я догадаюсь, а когда *эту* свою догадку проверю, как сделал только что, то сей факт войдет в уравнение, означающее мою лояльность, и тем самым *изменит* этот детерминант...

– Ах, – простонал второй Киббилькис, – конечно, такая возможность учитывалась, ведь это же азбука алгометрической статистики: я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю – все это ведь те бесконечные аспекты теории конфликтов, которые...

– Хорошо-хорошо, – произнес я, остывая, потому что меня заинтересовала вычислительная сторона вопроса. – И что у вас получилось в конце? Что такая догадка нарушит мою лояльность?

– Вроде да, – неохотно ответил Кастор Ойл за брата. – Но градиент падения твоей лояльности после *такой* сцены (ведь ее тоже предстояло смоделировать...) представляет собой ряд, стремящийся к нулю.

– Так, – почесал я себе нос, перекладывая шлем из-под правой руки под левую. – Стало быть, это *здесь, сейчас уменьшает* математическое ожидание уровня снижения моей лояльности?

– Уменьшает, уменьшает! – сказал он, а его брат добавил, нежно и в то же время испытующе глядя мне в глаза: – Сам, наверно, чувствуешь...

– Угу, – отозвался я, не без удивления отмечая, что они или их компьютер были правы в своих психологических расчетах, потому что моя злость на них значительно уменьшилась.

Над выходом на поле космодрома загорелся зеленый сигнал, одновременно отозвались все звоночки, извещая о том, что дефект устранен и мне снова надо упаковываться в ракету. Не говоря больше ни слова, я повернулся как по команде «кругом!» и зашагал в их сопровождении, по пути обдумывая соль всей этой истории. Я упреждаю события, но, коли уж начал, должен докончить. Когда я покинул стационарную околоземную орбиту и они уже фиг что могли мне сделать, на вопрос, как я себя чувствую, я ответил, что прекрасно и вот только раздумываю, не стакнуться ли мне с лунным *государством*, чтобы дать под зад некоторым земным знакомым. Как же неестественно прозвучал их смех в моих наушниках...

Но все это было потом, после «экскурсии» на псевдолунный полигон и посещения «Джинандроникс корпорейшн». Эта гигантская фирма по оборотам опередила даже «Интернейшнл бизнес мэшинс», хотя и зародилась как ее скромный филиал. Должен пояснить, что «Джинандроникс», вопреки распространенному мнению, не изготавливает ни ро-

ботов, ни андроидов, если под таковыми понимать человекообразные манекены, наделенные человекоподобной психикой. Идеальная имитация человеческого сознания почти невозможна – правда, компьютеры восьмидесятого и всех последующих поколений гораздо разумнее нас, но их интеллектуальная жизнь не похожа на человеческую. Нормальный человек – существо в высшей степени нелогичное, и в этом его человечность. Это разум, не спору, но сильно замусоренный предрассудками, эмоциями и убеждениями, вынесенными из детства или вместе с родительскими генами. Поэтому робота, выдающего себя за человека (например, при телефонном разговоре), специалист разоблачит запросто. Несмотря на это принципиальное возражение, пресловутая *sex industry*¹⁶ изготавливала для изучения рынка небольшие партии так называемых *s-dolls*¹⁷. Одни утверждали, что речь идет о *sex dolls*, куклах для любви, другие, что о *seductive dolls* – кокетливых соблазнительницах или скорее соблазнительных кокетках из новых материалов, настолько родственных биологическим, что в хирургии их используют в качестве трансплантатов кожи при ожогах. Эти *femmes de compagnie*¹⁸ спросом не пользовались. Они были слишком логичны – слишком интеллектуальны, попросту говоря, мужчина, общающийся с таким «синим чулком», зарабаты-

¹⁶ Промышленность предметов секса (*англ.*).

¹⁷ С-куколка (*англ.*).

¹⁸ Женщины для компании (*фр.*).

вал комплекс неполноценности, к тому же и слишком дороги. Тем, кто мог позволить себе приобрести такую наложницу (самые дешевые, made in Japan¹⁹, стоили свыше 90 000 долларов за штуку, не считая налога за роскошь), вполне по карману было заводить романы с естественными партнершами. Переворот на рынке совершили только дистантки, или «пустышки». Это куклы, неотличимые от женщин, но «пустые», то есть безмозглые. Я не женоненавистник и, когда говорю «безмозглые», вовсе не повторяю глупостей всяких там Уэйнингеров, отказывающих прекрасному полу в разуме, а имею в виду, что дистантник, как и дистантка, – просто манекены, управляемые человеком, то есть пустые оболочки.

Натянув на себя одежду с сетью вшитых в нее электродов, прилегающих к телу, любой человек мог воплотиться в дистантника или дистантку. Никто не предполагал, какие потрясения эта техника вызовет в жизни человечества: начиная с супружеской жизни и кончая древнейшей профессией мира. Отсюда возникли новые дилеммы для юристов. Закон не признавал интимные отношения человека с так называемой sex doll как супружескую измену и основание для развода. Не имело значения, какой была наложница – набивной или надуваемой с помощью велосипедного насоса, был ли у нее передний привод или же задний, автоматическая коробка передач или ручная: об измене не могло быть и речи, как

¹⁹ Изготовлено в Японии (англ.).

если б кто-то общался с собственным шкафом. Однако телеферические изделия вынудили гражданское право решить, считать или же не считать супружеской изменой связь с дистантником либо дистанткой особы, состоящей в браке. Понятие дистантной измены горячо обсуждалось в специальных журналах и газетах. Это было лишь началом сложных проблем. Например, можно ли изменить собственной жене с ней самой, но более молодой, чем теперь? Некий Адлай Гроуцер заказал в Бостонском филиале «Джинандроникс» дистантку в виде копии собственной жены в возрасте 21 года, а не 59. Проблему усложняло то, что на двадцать первом году жизни миссис Гроуцер еще не была миссис Гроуцер, а считалась женой Джеймса Брауна, с которым развелась двадцать лет спустя, чтобы выйти за Гроуцера. Дело слушалось во всех инстанциях. Судьям пришлось устанавливать, отказывает ли мужу жена, *не желающая* интимно управлять дистанткой, приобретенной супругом. Возможен ли дистантный инцест, садизм и мазохизм. А также педерастия. Какая-то фирма выпустила серию мужекенов, которые можно было, воспользовавшись запасными частями, переделывать в женокены или даже в гермафрокены. Японцы экспортировали в Соединенные Штаты и Европу гермафрокенов по демпинговым ценам: одним движением руки можно было менять их пол. Среди заказчиков «Джинандроникс» числилось несколько заслуженных проституток, которые были уже не в состоянии лично ублажать клиентов, но име-

ли многолетний опыт, а поэтому отличались мастерством управления. Естественно, проблемы не сводились только к эротике. Например, некий двенадцатилетний ученик, которому учительница поставила неуд за многочисленные орфографические ошибки в диктанте, воспользовался атлетически сложенным дистантником отца, чтобы наставить ей синяков и покрушить всю мебель в квартире. Это был дистантник, выполняющий обязанности сторожа. Модель шла на расхват. Дистантник, которого держали в будке, должен был охранять дом и сад. С этой целью отец мальчика ложился спать в особой пижаме с вшитыми электродами, стоило только специальному устройству поднять тревогу, и он, не вставая с постели, уже как дистантник, мог справиться даже с несколькими ворами сразу и задержать их до прибытия полиции. Сын стащил у отца пижаму, когда тот отсутствовал. Я не раз видел на улицах пикеты и демонстрации, направленные против «Джинандроникс» и аналогичных японских изготовителей. В них в основном принимали участие женщины. Законодатели нескольких штатов США, где гомосексуализм еще оставался наказуемым, запаниковали, потому что неизвестно было, совершает ли преступные действия гомосексуалист, влюбленный в нормального мужчину, когда посылает тому привлекательную дистантку, чтобы лично управлять ею. Возникли новые понятия, например *telemate* – дистантные подруги любви – любовницы или жены. Когда Верховный суд наконец признал допустимыми, то есть

относящимися к компетенции семьи, супружеские отношения *per procura*²⁰ (то есть с использованием дистантников) при взаимном согласии супругов, всплыло дело Кукерманов. Он был коммивояжером, она содержала парикмахерскую. Встречались они редко, потому что она не могла оставить салон без присмотра, он же постоянно бывал в разъездах. Тогда они согласились на введение посредника, но не могли решить, кто должен стать дистантником – муж или жена. Сосед Кукерманов вызвал их гнев, по доброте душевной предложив супругам компромисс: использовать телеферическую пару – дистантник-муж и дистантка-жена казались ему соломоновым решением. Однако Кукерманы сочли такую идею идиотской и унижительной. Вероятно, не знали, что их спор, после того как о нем сообщили газеты, вызвал так называемую телеферическую эскалацию: известно, что на дистантника тоже можно натянуть одежду с электродами, чтобы он стал передистом для следующего дистантника и так далее. Идею с энтузиазмом воспринял преступный мир. Дело в том, что точно так же, как легко можно обнаружить радиопередатчик, возможно и установить, откуда управляется конкретный дистантник. Этим методом широко пользовалась полиция при раскрытии телеферически совершенных краж со взломом или убийств. Однако если дистантник-исполнитель управляется дистантником-передистом, то, конечно, с помощью пеленгаторов можно добраться до этого второго,

²⁰ Здесь: по доверенности (*лат.*).

но прежде, чем его схватят, истинный дистандер-человек успеет прервать радиосвязь с «промежуточным» передистом и тем самым замести свой собственный след. Каталоги «Телемейт К^о» и японской фирмы «Сони» предлагали любых дистантников, начиная от лилипута и кончая Кинг-Конгом, а также дистанток, точно копирующих известных исторических личностей, таких как Нефертити, Клеопатра, королева Наваррская, или современных кинозвезд. Чтобы избежать процессов, связанных с проблемой так называемого «злоупотребления телесным подобием», каждый, кто намеревался держать в своем шкафу копию Первой леди США или жены соседа, пользовался пересылкой нужных копий, предварительно разобранных на составные части, по почте. Следуя инструкции, покупатель монтировал себе вожаденную playmate²¹, не выходя из дома. Кажется, появились даже люди, страдающие так называемым нарциссизмом, которые не любят никого, кроме самих себя; такие заказывали собственные копии. Законодатели задыхались под бременем неисчислимых новых дел, а одновременно становилось ясно, что запретить изготовление дистантников, как запрещается производить на дому атомные бомбы или наркотики, не удастся, так как дистантство превратилось в гигантскую отрасль промышленности, работающей как на нужды народного хозяйства, так и науки и техники, включая космонавтику. Только в виде дистантника человек может высадиться на плане-

²¹ Подруга игр (англ.).

тах-гигантах вроде Сатурна или Юпитера. Использовали дистантников и в горной промышленности, при спасательных работах, зачастую высокогорных, а также во время землетрясений и других стихийных бедствий. Дистантник был незаменим при опасных для жизни экспериментах, именуемых «разрушающими». Лунное Агентство заключило специальный контракт с «Джинандроникс» на изготовление лунных дистантников. Вскоре я узнал, что их уже пытались применять в проекте ЛЭМ, но со столь же загадочными, сколь и катастрофическими результатами.

По монтажным цехам «Джинандроникс» меня провожал Паридон Савекаху, главный инженер. Приходилось быть настороже, потому что он по обычаю своего народа называл меня по имени, а у меня все время Паридон путался с пирамидоном. Я был в обществе Тоттентанца и Благоуза. Инженер Савекаху жаловался на обилие постоянно меняющихся юридических норм, затрудняющих фирме необходимые исследования и разработку новых моделей. Например, у входов в банки повсюду установили новые датчики, обнаруживающие дистантников, но это еще полбеды. Понятно, банки опасаются дистантных грабежей. Однако вместо сугубо сигнальных устройств многие банки используют термоиндукционные. Едва распознанный из-за размещенной в нем электроники дистантник подвергается невидимому удару волн высокой частоты, как резкий скачок температуры сплавляет контуры и превращает дистантника в лом. Из-за этого у мно-

жества покупателей возникают претензии, но не к банкам, а к «Джинандроникс». Кроме того, уже случаются, увы, нападения, даже с применением бомб, на транспорты с дистантками, особенно красивыми. Инженер Паридон дал мне понять, что его фирма подозревает в актах терроризма движение Women's liberation, но пока не имеет доказательств, позволяющих обратиться в суд.

Мне был продемонстрирован весь процесс изготовления дистанток, начиная от сварки ультралегких дюралевых скелетов и кончая покрытием готового «шасси» телоподобной массой. Большинство дистанток изготавливают в восьми вариантах, на жаргоне именуемых «калибрами». Те, что идут по индивидуальным заказам, почти в двадцать раз дороже обычных. Впрочем, дистантник вовсе не обязательно должен походить на человека, однако чем больше он будет отличаться строением от последнего, тем больше трудностей возникает при управлении им. Например, хвост – очень полезное приспособление, помогающее обеспечивать безопасность дистантникам, работающим на большой высоте, при монтаже тросов висячих мостов или кабелей высокого напряжения, но у человека *нечем* управлять этим органом. Потом мы поехали электромобильчиком (учитывая огромные размеры территории) к складам, где осмотрели планетарных и лунных дистантников. Чем сильнее гравитация, тем сложнее задачи их создателей: слишком маленький дистантник многого не сделает, а слишком большой с приводящими его

в движение крупными двигателями оказывается чересчур тяжелым.

Мы вернулись в цех окончательного монтажа. Если доктор Вагатан из бюро ООН представлял собой азиата-дипломата со сдержанно-любезной улыбкой, то инженер Паридон был азиатом-энтузиастом, и его синеватые губы не смыкались – он смеялся, демонстрируя прекрасные зубы.

– Знаете, Ён, на чем кувыркнулась «Дженерал педипулатрикс»? На прямохождении! Она кувыркнулась вместе со своей моделью-прототипом, потому что та постоянно переворачивалась. Недурно? Ха-ха-ха! Жироскопы, противовесы, сенсоры с double feed-back²² под коленями – ничего не помогало. У нас, разумеется, нет никаких проблем, поскольку равновесие дистантника поддерживает дистандер.

Глядя на бело-розовые, как у новорожденных, тела дистанток, которых снимали с конвейера подъемники, так что мы оказались под шеренгой нагих девиц, мерно проплывающих над нашими головами в упаковочный цех, неподвижных, с шевелящимися и волнующимися, словно живые, длинными волосами, я спросил Паридона, женат ли он.

– Ха-ха-ха! А вы шутник, Ён! Да. Женат и имею детей. Конечно же! Сапожник не ходит в туфлях, которые сам стачал! Понимаете? Но нашим работникам мы в порядке премии даем ежегодно по штуке. Отличный стимул!

– Каким работникам? – спросил я. Зал был совершенно

²² Дублированная обратная связь (англ.).

пуст. У конвейеров работали покрытые желтой, зеленой и голубой эмалью роботы с подвижными стрелами, похожие на многочисленных граненых гусениц.

– Ха-ха-ха! У нас еще осталось немного людей. В сортировочной, на техконтроле и упаковке. О, бракованный экземпляр. Что-то неладно с ногами. Кривоваты. Как вы относитесь к таким вещам? Бесплатно, на неделю. Можем доставить домой.

– Благодарю, – сказал я. – Повременим. Пигмалионизм не в моем вкусе.

– Пигмалионизм? А, пигмалионизм! Бернارد Шоу, кажется! Как же, как же! Конечно, намек понял. У некоторых людей это вызывает протест. Но, согласитесь, лучше изготавливать женокены, чем карабины, а? Продукция для мира. Make love, not war²³. Правда?

– Можно кое с чем не согласиться, – заметил я. – Я видел пикеты перед воротами.

– Да. Проблемы есть. Конечно. Обычная женщина не может сравниться с дистанткой. В жизни прекрасное – исключение. У нас – техническая норма. Закон рынка. Предложение, регулируемое спросом. Что делать – таков мир...

Мы осмотрели помещение для одевания, полное шелестящих платьев, нижнего белья, занятых делом девушек с ножницами и портновскими сантиметрами на шеях, девушек довольно невзрачных, ибо живых, и распрощались с инжене-

²³ Занимайтесь любовью, а не войной (англ.).

ром Паридоном, проводившим нас на автостоянку. Тоттен-танц и Благоуз на обратном пути были на удивление молчаливы. У меня тоже не было желания разговаривать. Однако день еще не закончился.

Вернувшись домой, я нашел в почтовом ящике большой пакет, в котором оказалась книга с длинным названием «Dehumanization Trend in Weapon Systems of the Twenty First Century or Upside-down Evolution»²⁴. Имя автора, Месланд, мне ни о чем не говорило. Том был тяжелый, солидный, большого формата, полный графиков и таблиц. За неимением лучшего я уселся в кресло и принялся читать. Над вступлением на первой странице красовался эпиграф по-немецки:

Aus Angst und Not

*Das Heer ward tot*²⁵.

Eugen von Wahnzenstein

Автор именовал себя знатоком новейшей военной истории. Эта история, писал он, ограничена двумя афористическими лозунгами XX века: «FIF» и «LOD», означающими «Fire and Forget»²⁶ вначале и «Let others do»²⁷ в конце. Отцом современного пацифизма было благополучие, а матерью

²⁴ «Тенденция дегуманизации в системах вооружения в XXI веке, или Эволюция наоборот» (англ.).

²⁵ От страха и нужды погибают армии (нем.).

²⁶ Воодушевить и забыть (англ.).

²⁷ А делают пусть другие (англ.).

– страх. Их скрещение породило тенденцию *обесчеловечивания* войны. Все меньше людей хотело становиться под ружье, и отмирание боевого духа было прямо пропорционально жизненному уровню. Молодежь богатых государств благородную максиму *dulce et decorum est pro patria mori*²⁸ считала рекламой моровой заразы. Именно тогда началось падение цен в электронной промышленности. На смену запоминающим элементам CHIPS пришли продукты генной инженерии – CORN. Их называли зернами, так как получали, культивируя искусственные микробы, в основном *silicobacterium logicum Wieneri*²⁹, именуемые так в честь отца кибернетики. Горсть таких элементов стоила не дороже горсти проса. Таким образом, искусственный интеллект дешевел, новые же поколения вооружений дорожали в геометрической прогрессии. Самолет Первой мировой войны был не дороже автомобиля, Второй – двадцати автомобилей, в конце столетия он стоил уже в 600 раз больше. Было подсчитано, что через 70 лет сверхдержава в состоянии будет изготовить не более 18–20 самолетов. Таким образом, на пересечении кривых падения интеллекта и возрастания стоимости оружия возникла тенденция обесчеловечивания армий. Армии из живой силы превращались в силу мертвую. Это случилось после того, как мир пережил два тяжелых кризиса. Первый – когда нефть резко подорожала, второй – когда вскоре она так

²⁸ Приятно и почетно умереть за родину (*лат.*).

²⁹ Логические силикобактерии Винера (*лат.*).

же резко подешевела. Классические законы рыночной экономики переставали действовать, но мало кто отдавал себе отчет как в значимости такого явления, так и в том, что фигура затянутого в форму солдата в каске, идущего в штыковую атаку, уже сходит со сцены истории, чтобы занять место рядом с закованным в латы средневековым рыцарем. Только инерция мысли инженеров и техников на некоторое время сохранила крупногабаритное вооружение – танки, орудия, транспортеры и другие боевые машины, предназначенные для людей и громоздкие даже тогда, когда они уже могли идти в бой самостоятельно, без человека. Но эту фазу броневой гигантомании резко сменила фаза спешной миниатюризации. До того все вооружение было приспособлено под человека: подогнано под его анатомию, чтобы он мог успешно убивать, и под его физиологию, чтобы он мог быть успешно убиваем.

Как обычно бывает в истории, никто не понимал, что наступает. Ибо открытия, которым предстояло объединиться в *dehumanization trend in new weapon systems*, свершались в весьма отдаленных друг от друга областях науки. Интеллекtronика породила дешевые, как трава, микрокалькуляторы, а нейроэнтомология наконец-то разгрызла загадку насекомых, которые, как, например, пчелы, живут сообществом, работают во имя общих целей и общаются посредством собственного языка, хотя мозг человека в 380 000 раз больше, чем нервная система пчелы. Рядовому солдату вполне доста-

точно разума пчелы, лишь бы он был соответствующим образом трансформирован. Боевая эффективность и разум – вещи разные, по крайней мере на поле боя. Главным фактором, повлиявшим на миниатюризацию оружия, была атомная бомба. Необходимость миниатюризации следовала из простых и известных фактов – но они оставались вне военного знания времени. Когда семьдесят миллионов лет назад на Землю упал гигантский метеорит и на века остудил ее климат, затемнив осколками земную атмосферу, катастрофа эта полностью уничтожила гигантских ящеров, динозавров, почти не коснулась насекомых и вовсе не тронула бактерий. Выводы из палеонтологии были однозначны: чем крупнее действующая сила деструкции, тем меньшие по размерам системы могут ее пережить. Атомная бомба требовала *рассеяния* как солдата, так и армии. Однако идея уменьшения солдата до размеров муравья, кроме как в фантастике, не могла быть осуществлена в XX веке. Ведь человека не рассеешь и не уменьшишь в размерах. Тогда стали подумывать о солдатах-автоматах, имея в виду человекообразных роботов, хотя уже в то время это было наивным анахронизмом. Однако промышленность постепенно избавлялась от человека, но роботы, заменявшие рабочих у конвейеров по изготовлению, например, автомобилей, не были человекоподобны. Они представляли собой избирательно увеличенные *части* человека: мозг с огромной стальной пятерней, мозг с глазами и кулаком, органы чувств и руки. Но атомная угро-

за не позволяла перенести на поле боя огромных роботов. Так начали появляться радиоактивные синасы (синтетические насекомые), керамические ракообразные, змеи и черви из титана, способные зарываться в землю и выбираться из нее после атомного взрыва. Летающие синасы были как бы сплавом самолета, летчика и снаряда в едином микроскопическом целом. Одновременно оперативной единицей становилась *микроармия*, она являла собой боевую единицу только как *целое*, подобно тому как только целый *рой пчел* являет собой самостоятельную функционирующую единицу, а одна пчела с этой точки зрения – ничто. Возникали микроармии многих типов, исходящие из двух противоположных принципов. Согласно принципу самостоятельности, такая армия действовала, как военный поход муравьев, волна бактерий или рой шершней. Согласно принципу *телетонизма*, микроармия была всего лишь огромным летящим или ползущим сборищем *элементов* автомонтажа: в зависимости от тактической либо стратегической потребности она направлялась к цели в сильном рассеянии и только там собиралась в предварительно запрограммированное целое. Это было так, как если бы боевые устройства выходили из фабрик не в окончательном виде, а как полу- или четвертьпродукты, способные собираться в боевую машину перед тем, как попасть в цель. Такие армии еще называли самосборными. Наиболее простым примером было автодисперсионное оружие. Запу-

ценную ракету (ICBM³⁰) с ядерной боеголовкой можно обнаружить из космоса спутниковым контролем, а с Земли радарными. Но невозможно выследить сильно разреженные гигантские облака микрочастичек, несущих уран или плутоний, которые собираются в критическую массу у цели – будь то фабрика или неприятельский город.

Некоторое время старое и новое оружие сосуществовало, но массивное, тяжелое вооружение окончательно и бесповоротно сдалось под натиском микрооружия. Ведь оно было почти невидимо. Как микробы тайком проникают в организм животного, чтобы убить его *изнутри*, так и мертвые искусственные микробы в соответствии с заданными им программами проедали стволы орудий, зарядные камеры, двигатели танков, самолетов, прожигали металл либо, добравшись до пороховых зарядов, взрывали их. Что мог сделать самый боевой, увешанный гранатами солдат против микроскопического мертвого противника? То же, что и врач, который собирается бороться с бактериями холеры кувалдой. Против туч микрооружия, самонаводящегося на запрограммированные объекты, биотропного, поскольку оно убивало все живое, человек в форме был бессилен, словно римский легионер со щитом и мечом под градом пуль.

Уже в XX веке тактика боя в плотных рядах уступила место рассеянию войск, которые при переходе к подвижной

³⁰ ICBM – intercontinental ballistics missile – межконтинентальная баллистическая ракета – МБР (англ.).

войне подверглись дальнейшему рассредоточению. Но и тогда все еще существовали линии фронтов. Теперь и они исчезли. Микроармии легко проникали через оборонительные рубежи и достигали глубоких тылов противника. Тем временем крупнокалиберное ядерное оружие все явственнее становилось бессильным, его применение попросту не окупалось. Эффективность борьбы с вирусной заразой термоядерными бомбами была ничтожной. Кроме того, стоимость снаряда не может значительно превосходить стоимость уничтожаемой им цели. Ведь крейсерами не охотятся на пиявок!

Самой трудной проблемой безлюдного этапа борьбы человека с самим собой оказалось, *как отличить* врага от свояка. Эту задачу, уже раньше называвшуюся FOF (Friend or Foe³¹), некогда решали системы электроники, работавшие по принципу пароля и отзыва. Вопрошаемый радиоволнами самолет или снаряд сам, собственным передатчиком, либо отвечал нужным образом, либо подвергался нападению как враг. Этот метод XX века полностью устарел. Новые мастера смертоубийства обратились к миру растений, животных и бактерий. Распознавание повторяло поведение живых видов: их иммунитет, борьбу антигенов с антителами, тропизмы, а также мимикрию, защитные окраски, камуфляж и маскировку. Мертвое оружие зачастую *прикидывалось* невинными бактериями или даже пыльцой растений, но под этой оболочкой скрывалось смертоносное, эродлирующее содер-

³¹ Друг или враг (англ.).

жимое. Росло также значение информационных столкновений – не в смысле пропаганды, а в смысле проникновения в неприятельскую связь, чтобы поразить ее, либо – как, например, при налетах ядерной саранчи – принудить к преждевременному слиянию в критическую массу и тем самым не допустить до охраняемого объекта. Автор книги описывал таракана, который был прототипом некоторых микросолдат. У таракана на тельце есть несколько тонюсеньких волосков. Стоит им пригнуться от дрожания воздуха, и таракан бросается в бегство, так как эти датчики накоротко связаны с задним нервным узлом, отличающим невинное дуновение ветра от колебаний, вызываемых нападающим.

Углубившись в чтение, я с сочувствием думал о горячих поклонниках мундиров, штандартов и боевых наград за храбрость. Новая военная эпоха должна была стать для них позором, оскорблением их возвышенных идеалов. Автор называл перемены «эволюцией, поставленной вверх ногами» (upside-down), потому что в природе вначале возникали микроскопические организмы, которые постепенно превращались в более крупные, в военной же эволюции происходило обратное – микроминиатюризация, а одновременно и человеческий мозг заменялся элементами, воспроизводящими нервные ганглии насекомых. Микроармии возникали двумя этапами. На первом этапе проектанты и создателями безлюдного оружия еще были люди. На втором – мертвые дивизии проектировали, подвергали боевым испытани-

ям и направляли в серийное производство столь же мертвые компьютерные системы. Людей убрали вначале из армии, а затем из военной промышленности. Явление так называемой «социоинтеграционной дегенерации». Дегенерации подвергся единичный солдат: он становился все меньших размеров и в связи с этим все более простым по устройству. В конце концов у него осталось столько же разума, как у муравья или термита. Но тем большую роль начало играть *социальное сборище* мини-бойцов. Мертвая армия была гораздо более сложной, нежели улей или муравейник, и соответствовала скорее биотопам природы, то есть пирамидам видов, пребывающим в тонком равновесии конкуренции, антагонизма и симбиоза. Легко понять, что сержанту или капралу в такой армии делать нечего. Вообще для того, чтобы охватить целое, даже при инспектировании армии, не говоря уже о командовании ею, недостаточно разума целого университета. Так что офицерский корпус, как и нищие государства третьего мира, больше пострадал от великих милитаристских переворотов ХХI века. Безжалостное давление тенденции высвобождения армии от человека уничтожило прекрасные традиции маневров, изумительных смен караулов, фехтования, эффектных парадных мундиров, муштры и рапортов. Некоторое время, к сожалению, не слишком долгое, еще удавалось сохранить для людей высшие командные посты, в основном в штабах. Стратегически-вычислительные преимущества компьютеризованных эшелонов командования в кон-

це концов поразили безработицей офицерство самого тяжелого веса вкупе с маршалами. Ковер орденских планок на груди не спас от досрочной пенсии и знаменитейших штабистов. Тогда возникло оппозиционное движение офицерских кадров, которые от отчаяния, вызванного безработицей, – это были профессиональные офицеры – ушли в террористическое подполье. Воистину отвратной каверзой истории было подавление офицерского недовольства микрошпиками и мини-полицией, построенными на принципе упоминавшегося уже таракана, с той разницей, что их боевому духу не мешали ни тьма, ни туман, ни любые виды камуфляжа, применяемые отчаявшимися традиционалистами, верными идеям Ахиллеса и Клаузевица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.